

Аглайда
Лой

Цветок жасмина

Аглаида Лой

Цветок жасмина (сборник)

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лой А. В.

Цветок жасмина (сборник) / А. В. Лой — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-53-4

Четыре новеллы, входящие в сборник «Цветок жасмина» это как бы четыре времени года, четыре возраста любви, каждый из которых по-своему замечателен. Весна – новелла «Ясмин». Прелестная, тонкая, поэтичная история о любви юноши и девушки, Влада и Ясмин, очаровательная в своей чистоте и высоте чувств. Новелла «Цветок жасмина» повествует об отношениях сорокалетней зрелой женщины и молодого человека. Страсть, любовь, сомнения, секс, человеческие предрассудки, которые мешают жить в полную силу, не оглядываясь на окружение. Это лето, зрелость и расцвет чувств. Но за летом следует осень – новелла «Жасминовое мыло». Героине за шестьдесят, однако ей не чуждо желание любить и быть любимой, тем более что пожилой она себя не ощущает. Заключительная новелла сборника «Засушенная веточка жасмина» – уже зима, ибо героине новеллы Татьяне Ивановне за восемьдесят. Но с ней остались чудесные воспоминания о муже, их любви и верности, которые они пронесли через всю трудную и порой трагическую жизнь. Цветок жасмина, который в различных культурах является сакральным символом любви, чистоты, мистического начала, словно музыкальная тема, «звучит» в каждой из четырех новелл, проявляясь в различных образах-ипостасях. Автору удалось виртуозно провести эту тему через все произведение, соединяя отдельные новеллы в единое целое.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-53-4

© Лой А. В., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Ясмин	7
Цветок жасмина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аглаида Лой
Цветок жасмина (сборник)

© А. В. Лой, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Ясмин

Вере Орловской посвящается

До конца перемены оставалось еще несколько минут. По длинному полутемному коридору Влад дошел до застекленного перехода в третий корпус, спустился по лестнице на второй этаж и вошел в лекционный зал – большую, выстроенную в виде амфитеатра аудиторию, в которой свободно помещались студенты всего курса. Лекция по истории литературы его не вдохновляла. Не то чтобы его не интересовала история литературы, вовсе нет, предмет-то как раз был довольно занимательным, но вот лектор... лектор... Дело в том, что читавший этот курс Федор Степанович был редкостным занудой, и если бы лекция стояла первой парой, Влад ее точно проигнорировал – к экзамену вполне можно прочесть учебник. К сожалению, лекция стояла второй парой, а торчать в коридоре или искать пустую аудиторию с тем, чтобы только не слушать тяготящего препода, было лень, поэтому Влад решил попросту игнорировать бубнившего что-то себе под нос Федора Степановича. Остальные студенты, – разве что кроме самых ревностных отличников, поместившихся поближе к кафедре, чтобы можно было записывать лекцию, – неторопливо рассредоточились по аудитории. Влад поднялся почти на самый верх амфитеатра, чтобы ничто не мешало ему читать: он прихватил с собой томик Омара Хайяма, которым увлекся в последнее время, – и вольготно расположился на скамье. Достал из сумки книгу, открыл ее и погрузился в чтение.

«Изначальной всего остального – любовь,
В песне юности первое слово – любовь.
О, несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни основа – любовь!»

Громко, словно с цепи сорвавшись, зазвенел звонок. Влад вздрогнул и оторвался от книги. Студенты торопливо вбегали в распахнутую дверь: резонер Степаныч, по прозвищу «недоделанный Репей», ненавидел опоздавших и потом обязательно припоминал им на экзамене неуважительное отношение к своим лекциям, – память у него была феноменальная.

И вдруг он увидел Её.

Она не спеша вошла в аудиторию, окинула взглядом ряды амфитеатра и стала медленно подниматься по ступеням. Девушка была новенькой, по крайней мере, прежде Влад ее на своем курсе не замечал. А не заметить ее было просто невозможно. И не потому, что была какой-то выдающейся красавицей, сейчас эти самые красавицы с поддутыми губами до невозможности стандартны, словно вылупились в одном инкубаторе. Нет, она была особенной, вернее – прелестной, словно фея из сказки. Даже не фея, а восточная волшебница – пери.

Темные волнистые волосы копной ниспадали на плечи и спину, спускаясь до талии. В руке модная и довольно вместительная женская сумка. Одежда вполне обычная: обтягивающие синие джинсы с дырками на коленях, по последней дурацкой моде, и длинный серый свитер, который, впрочем, лишь подчеркивал своей бесформенностью ее стройную фигурку. Усредненный прикид студентки универа. И все же это была настоящая пери. Влад неотрывно следил, как она шагает со ступеньки на ступеньку, поднимаясь все выше, пока, наконец, не остановилась возле его скамьи. На него пристально смотрели вытянутые к вискам большие глаза – глаза газели – над которыми изогнулись черные брови вразлет, настолько совершенно исполненные природой, что казались нарочно прочерченными великим живописцем. Четко обрисованные, прекрасной формы губы слегка разошлись в улыбке. Пери кивнула ему и уселась ближе к краю скамьи. Рядом поставила сумку, извлекла из нее тетрадь, потом подумала и достала наворо-

ченный гаджет. Снова взглянула на Влада, скользнула взглядом по его раскрытой книге, отвернулась, что-то посмотрела на экране и, кажется, выключила звук.

В аудиторию вошел преисполненный собственной значимости Репей – студенты встали. Лекция началась, и каждый, кроме самых отпетых отличников, углубился в свои дела.

Влад тоже попытался читать, но никак не мог сосредоточиться.

«Я над книгою жизни упрямо гадал,
Вдруг с сердечною болью мудрец мне сказал:
Нет прекрасней блаженства – забыться в объятьях
Луноликой красы, чьи уста, словно лал».

Интересно, лал это что? Рубин? Или, может, коралл?.. Он вытащил из рюкзака смартфон и набрал в поисковике необычное слово. Ага, понятно. «Лал или лалл, а также лалик – устаревшее собирательное название для большинства драгоценных камней красного или кроваво-красного цвета: в основном, красной шпинели, рубина, граната (пиропы и спессартина) или красного турмалина (рубеллита)».

Уста, словно лал, повторил он про себя и невольно посмотрел на девушку, которая, словно ощутив его взгляд, тоже повернула голову. Он быстро отвел глаза, сделав вид, что ничего не произошло. Но ведь произошло, еще как произошло! Он чувствовал, что его охватила удивительная робость, вообще-то ему не свойственная. У него никогда не было особых проблем в общении с противоположным полом. Ему всегда удавалось развлечь или рассмешить знакомых девушек, что придавало их отношениям раскованный и даже слегка легкомысленный характер, не налагавший никаких обязательств ни на одну из сторон. Внешностью его тоже бог не обидел: рост за сто восемьдесят, фигура почти атлетическая, хотя лыжами занимался только в школе, – просто повезло с генетикой. Лицо симпатичное, еще во многом юношеское. Не красавец, но обаятельный парень. Он мог подойти на улице к любой понравившейся девушке, познакомиться с ней, попросить телефон. Но сейчас его будто мгновенно заморозили. Он даже не мог заставить себя пододвинуться к незнакомке и поинтересоваться, кто она и откуда, – чего, казалось бы, проще? Ан, нет!

Да ну её к черту! Разозлился он на себя. Девушка как девушка – чего я накручиваю? И он уставился в книгу, пытаясь вникнуть в смысл рубайат Хайяма. Прочтя несколько стихотворений, понял, что не понимает ни строчки, откинулся на спинку скамьи и уставился в пространство. Он пытался осознать, что с ним происходит, но владевшее им необычное состояние словно выбросило его за грань реальности в какой-то иной, незнакомый прежде мир, в котором теперь придется учиться жить заново. И вдруг ноздрей его коснулся тонкий, еле уловимый аромат, который подействовал на него, как разряд электрошокера. Он попытался определить, откуда исходит этот дивный запах, ощущая себя потерявшим разум котом в поисках валерьяны, и внезапно до него дошло, вернее, ему открылось, как некое озарение, что это Её запах. Точнее, запах Её духов. И он с полной обреченностью осознал, что погиб.

Но тут прозвенел звонок, избавив его от наваждения. Он снова ощутил себя собой, прежним Владом, обаятельными и симпатичным парнем, которому море по колено. «Если ты сейчас с ней не познакомишься, – произнес внутренний голос, – ты клинический идиот. Будешь жалеть об этом всю жизнь». Он встал и двинулся к краю ряда, где сидела Она, якобы намереваясь спуститься вниз и выйти из аудитории. Большинство студентов оставалось на своих местах – перерыв пять минут – себе дорожке шастать туда-сюда. Лучше уж поболтать с соседом или соседкой.

Девушка встала и шагнула на ступеньку, давая ему дорогу. Рост примерно 175, прикинул он, проходя мимо, и напустил на себя равнодушный вид. Но волна запаха, облаком окружавшего ее, заставила его сердце учащенно забиться. Влад сбежал по ступеням и вышел из ауди-

тории. И только в коридоре ощутил, что весь взмок, словно пробежал стометровку на пределе сил. Да что же это со мной происходит?! Вслух сказал он. Ему и прежде нравились девчонки, и он общался с ними вполне свободно, включая интимную близость. Но то, что творилось с ним сейчас, совершенно не походило на прежние влюбленности, которых было уже немало и которые, как правило, с течением времени заканчивались обоюдным расставанием безо всяких обид.

Прозвенел звонок, и он поспешил на свое место.

Девушка снова встала, пропуская его. Но теперь он постарался улыбнуться и легко представился: «Владимир. Можно Влад». Она слегка улыбнулась в ответ: «Ясмин».

Начало было положено. Репейник снова принялся что-то бубнить себе под нос. Влад сидел как на иголках. Да леший с ним, с Репейником, и его лекцией! Наконец сказал он себе и искоса посмотрел на Ясмин. Какое необычное имя... Она что-то искала на гаджете, а может просто играла, чтобы не заснуть. Лекции Репейника могли вогнать в сон кого угодно. Он тоже достал смартфон и набрал в поисковике «Ясмин». В переводе с персидского – жасмин, ветка жасмина, благоухающий цветок. Вот уж точно – благоухающий цветок, подумал он и снова посмотрел на девушку. Пери, настоящая пери. И снова почувствовал, как у него перехватило дыхание от доселе незнакомого ему чувства. Сейчас или никогда, сказал он себе, и стал потихоньку двигаться по скамье в направлении Ясмин. И тут случилось настоящее чудо: она взглянула на него, лукаво улыбнулась и слегка кивнула. В мгновение ока Влад придвинулся к ней и замер, переводя дыхание, стараясь овладеть собой и пытаясь придумать какую-то необычную тему для разговора. В голову, как назло, лезли одни банальности.

– Почему я тебя раньше не видел? – наконец спросил он, так и не придумав ничего оригинального.

– Я только к вам перевелась, – ответила она шепотом. – А что, этот всегда лекции так читает?

– Репейник, что ли? Да он сегодня еще на редкость активный, рассказывает. Обычно сядет за стол и бубнит себе под нос что-то нечленораздельное.

– Жаль. Предмет интересный.

– Ну, другие лекторы у нас все-таки лучше. По крайней мере, с тоски не мрём. А у этого, обрати внимание, даже мухи все уже сдохли.

Она невольно хихикнула. Влад продолжил удачно начатую атаку.

– У тебя имя такое редкое, первый раз встречаю. Ясмин...

– Мне нравится, – она пожала плечами. – Вообще-то, семейная традиция.

– А ты откуда? – Ему еще очень хотелось спросить, какой она национальности, однако постеснялся.

– В смысле, где живу? – Он кивнул. – В Москве. Только у отца такая работа, что приходится подолгу находиться, то там, то здесь. А ты откуда?

– Раньше жил в Подмосковье, теперь – тоже москвич.

– Большая Москва?

Они проболтали всю лекцию. Он предложил погулять после занятий, она отказалась, сославшись на дела. А увидев его огорченную физиономию, усмехнулась и пояснила, что идет на день рождения к бабушке и сие семейное мероприятие никак невозможно игнорировать. О чем они говорили ещё, он не помнил, но она дала ему свой номер телефона. И когда прозвенел звонок, и они покинули аудиторию, чтобы продолжить занятия в своих группах, он ощущал себя на седьмом небе и вообще витал в облаках.

По дороге в другой корпус, где должны были состояться практические занятия, его нагнал Сергей, считавшийся самым красивым парнем на курсе и вечно задиравший Влада по причине тому неизвестной. Хотя, может, просто ощущал в нем стоящего соперника.

– Что, к Ямин подкатываешься? – небрежно поинтересовался Сергей. – Ну, так можешь не стараться – тебе не светит.

– Откуда такая уверенность?

– Понятно же – не твоего поля ягода.

– Может, твоего?

– Может и моего.

– Откуда знаешь, как ее зовут? Она же только появилась на курсе.

– А я ее предков знаю, бабушки когда-то дружили.

– Блефуешь. И фамилию ее знаешь?

– Конечно.

– Не свисти. Поди, только что всё придумал.

– Очень нужно. Шахтатинская она. Но тебе ни-че-го не светит! – И Сергей двинулся дальше, натянув на лицо привычную маску капризного красавца и с легким презрением поглядывая на стрелявших в его сторону глазами заинтересованных девиц, чьим вниманием он уж точно никогда обделен не был.

После занятий Влад не сразу отправился домой. Его переполняли эмоции, словно внутри у него вдруг открылась какая-то неизвестная ему прежде заглушка, как на гидроэлектростанции, и в нее хлынул безудержный яростный поток воды. Он поехал в парк и долго бродил по тропинкам среди деревьев, наслаждаясь относительной тишиной и буйными красками осени. Сентябрь выдался удивительно теплым, и если с утра пораньше на траве порой лежала изморозь, то в середине дня температура поднималась за двадцать градусов – и лето возвращалось. Небо все еще было синим-синим, облака – легкими, белыми и пушистыми, а воздух на редкость прозрачным. В прудах шумно плескались дикие утки, которые, кажется, вовсе не собирались улетать на юг, а белки спускались с деревьев и нагло требовали подачки.

Яркая красота осенней природы удивительно гармонировала с его состоянием. В голове роились странные и непривычные образы, словно вылетевшие из какой-то восточной сказки и по удивительному стечению обстоятельств овладевшие его душой. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Виновата Ямин. Ее облик восточной красавицы, пери из волшебных персидских легенд, совершенно завладел его душой и воображением. Ямин Шахтатинская – Ямин Шахтатинская – Ямин Шахтатинская... Непрерывно вертелось у него в мозгу. И фамилия у нее тоже какая-то чудная...

Домой он вернулся уже затемно, что-то поел, автоматически ответил на какие-то маминьы вопросы и закрылся в своей комнате. Владевшее им весь день возбуждение к вечеру только усилилось. Он хотел позвонить Ямин, хотел услышать ее нежный и какой-то нездешний, словно доносящийся из другого мира, голос – или ему это просто казалось? – но он постоянно себя одергивал, ведь она у бабушки на дне рождения, звонить было бы неприлично, тем более, они только познакомились.

Чтобы отвлечься, он включил компьютер и набрал слово «жасмин». Прочел советы садоводам о жасмине домашнем и садовом, потом переключился на легенды об этом прекрасном цветке. Одна из них повествовала о том, каким образом жасмин попал в Европу. Однажды в знак дружбы персидский шах подарил герцогу Тосканы удивительный и прекрасный цветок. Цветок был настолько редким и обладал столь чудесным ароматом, что герцог приказал своему садовнику беречь его, как зеницу ока, чтобы никто больше не мог владеть подобной красотой. Садовник честно исполнял свой долг, ухаживал за жасмином и никому не давал его отростков. Но однажды садовник влюбился в прекрасную девушку и подарил ей благоуханный букет из цветов жасмина. А девушка посадила ветви жасмина у себя в саду. Они выросли – и с тех пор цветы жасмина распространились по всей Тоскане. Что сделал герцог с садовником покрыто мраком. Однако с тех самых пор тосканские девушки в день свадьбы украшают себя белоснеж-

ными цветками жасмина, который считается в Италии символом вечной любви; любви, для которой не существует никаких преград.

Другие тексты повествовали о том, что в различных цивилизациях жасмин наделялся близкой символикой. В христианской культуре жасмин был не только символом грации и элегантности, но и почитался как цветок Девы Марии. В Китае – выражал женственность, сладость, грацию и привлекательность. В Индии его поэтично называли «лунным светом любви», ибо считалось, что он отражает чувственность, женственность, элегантность и привлекательность. Во Франции жасмин возвели на своеобразный пьедестал, и величали «царем цветов»; в мировой столице парфюмеров Грасе говорили не «жасмин», а просто «цветок», и это не требовало пояснений. Белый жасмин на языке цветов означает: «ваш первый поцелуй взволновал меня».

И это тайное значение белого цветка жасмина в свою очередь настолько взволновало Влада, что он прекратил копаться в интернете, растянулся на диване и попытался досконально вспомнить свой разговор с Ясмин. Однако никак не мог припомнить в точности, словно его окружало какое-то облако неопределенности и счастья, которое избегало слов и точных вопросов-ответов. Тогда он принялся думать, почему ее называли Ясмин, а не Жасмин, и не заметил, как задремал. И сны его были яркими и волшебными, как восточные сказки, в которых в прекрасных садах среди журчащих фонтанов гуляли прекрасные гурии в легчайших полупрозрачных шелках... А когда он пробудился и посмотрел на компе время, было уже за полночь, и он постеснялся звонить Ясмин. Только несколько раз основательно стукнул себя по лбу – проспал! надо же быть таким кретином.

Следующий день выдался на редкость суматошным, и ему было не до Ясмин. Хотя... незримо она присутствовала рядом с ним все время. И только вечером, когда он вернулся домой после четвертой пары, бросил сумку на пол своей комнаты и растянулся на диване, все его мысли вновь обратились к ней. Но Влад никак не мог настроиться, чтобы набрать ее номер. Не то чтобы он стеснялся или комплексовал – нет, – однако ясно чувствовал, что болтать о всякой ерунде, как с другими девчонками, с ней не получится. Почему он так чувствовал, он и сам не знал. Просто она не относилась к славной когорте примитивных пустышек – и это ощущалось сразу. Поэтому он все оттягивал и оттягивал заветный звонок. Поужинал, подготовился к практическим занятиям по выбранному им курсу «творчество Достоевского». Полистал учебник по европейской литературе средних веков с ее рыцарскими романами в стихах; поинтересовался сводом правил галантного общения между истинным рыцарем и дамой его сердца. И наконец, решился.

– Ясмин? Привет, это Влад.

– Привет, – чуть помедлив, отозвалась она. – Как поживает Омар Хайям?

– Надеюсь, там, где он пребывает в настоящее время, ему хорошо, и он наслаждается чашей сладкого вина в окружении прелестных гурий, которых воспевал всю жизнь.

– Хотелось бы верить... А как ты считаешь, поэты в рай попадают? Они ведь, как правило, люди неординарные и весьма неоднозначные. Это ещё мягко говоря.

– Н-ну, не знаю. – Растерянно сказал он. – Как-то никогда этим вопросом не задавался. Возможно, и не попадают.

И тут он услышал ее негромкий и мелодичный смех.

– Да я тоже не задавалась! Просто в голову вдруг пришло. Где-то читала, что характер у него, у Омара Хайяма то есть, был жутко вредный. Может, для гениев это характерно? И потом, мы его знаем как философа-стихотворца, но на самом деле он был выдающимся астрономом, математиком и астрологом.

– Типа персидский Леонардо да Винчи.

– Типа да, – не без ехидства передразнила его Ясмин. – Он был из простых. Если не ошибаюсь, сын мелкого торговца из Нишапура – это современный Иран. Когда отец умер,

продал лавку и отправился в Самарканд, который тогда считался научной и культурной столицей Востока. Потом перебрался в Бухару, а оттуда в Исфахан. Персию тогда захватили Сельджуки, времечко было еще то. Но, вероятно, он уже был достаточно известным ученым, потому что его пригласили ко двору сельджукского султана Мелик-шаха I. Султан этот был, судя по всему, весьма продвинутым джентльменом, – его придворная обсерватория считалась лучшей в мире. На какое-то время Хайям стал духовным наставником султана, а потом его назначили руководить обсерваторией. Всю жизнь он занимался наукой, осталось множество его трудов по алгебре и астрономии. В общем, личность космических масштабов. Но когда шах умер, а потом умер и покровительствующий Хайяму великий визирь, его, бедолагу, обвинили в безбожии – и ему пришлось бежать.

– Ничего удивительного. Такой продвинутый человек должен быть внутренне абсолютно свободен. Ну, а окружающие его пигмеи, естественно, смертельно завидуют и стремятся опустить гения до своего уровня.

– Это неоспоримо, – она тихонько вздохнула. – Толпа всегда пытается уничтожить выдающуюся личность. Какой-то необычайно жестокий закон природы.

– Из серии – не высовывайся! – согласился он. – Я как-то не особо интересовался его биографией. Почему-то биографии поэтов или писателей меня не слишком занимают. Стихи – другое дело, если они стоящие. Знаю, конечно, что он перс, писал на персидском, жил в 11 веке... Невероятно, правда? Человек жил тысячу лет назад, а я сегодня, в 21-ом столетии, читаю его стихи, к тому же еще в переводах, и они меня достают. Как такое возможно?

– Мне иногда кажется, Влад, что между людьми, которые достигают определенного духовного уровня, существует некое сродство высшего порядка. Вроде телепатической связи. Причем, совершенно неважно, в каком именно веке жил человек. Если он тебе близок, если он сумел описать свои чувства и передать их тебе – в ноосфере возникает некое поле, через которое ты вступаешь в контакт с этим поэтом. Как тебе идея?

– Пожалуй, ты немного перемудрила, – после некоторого размышления произнес он. – Хотя... кто его знает!

– Вот именно, – эхом подхватила Ясмин, – кто знает? Кстати, стихи Омар Хайям писал на литературном фарси, а математические и другие научные труды – на арабском. Тогда так было принято.

– Любопытно. А ты что, по Омару Хайяму какой-то реферат писала – такие познания.

– Нет. Просто интересовалась. К Персии у меня врожденная слабость. Не только у меня, у всего нашего семейства – не зря ведь меня называли Ясмин.

– Именно к Персии? Но почему?..

– Может, расскажу когда-нибудь. Кстати, Омар Хайям прожил целых 83 года, очень долго по тем временам. Он и в мир иной отошел весьма неизбито, во всем был оригиналом. О кончине Хайяма поведал его ученик. Трудно сказать, насколько это легенда, хотя возможно в реальности всё именно так и произошло – сие под большим вопросом. Да, так вот... читая труд Авиценны «Книга об исцелении» Омар Хайям ощутил приближение смерти. А изучал он в тот момент самый сложный раздел, посвященный метафизическому вопросу под названием «Единое во множественном». Тогда Хайям спокойно заложил между листов, где остановился, золотую зубочистку, которую держал в руке, и закрыл фолиант. Потом призвал своих близких и учеников, составил завещание и после этого уже не принимал ни пищи, ни питья. Прочитав молитву на сон грядущий, он положил земной поклон и, стоя на коленях, произнёс: «Боже! По мере своих сил я старался познать Тебя. Прости меня! Поскольку я познал Тебя, постольку я к Тебе приблизился». И – произнес эти слова, Омар Хайям умер. Наверное, он считал себя в чем-то равным Богу.

– В скромности ему не откажешь.

– Это точно. Зато прошла тысяча лет, а мы его помним.

Владу захотелось снизить интеллектуальный накал их разговора, и он принялся расспрашивать Ясмин о ее группе, о том, чем она собирается заниматься после занятий завтра, послезавтра, на неделе... Выяснилось что группа у нее так себе, серенькая, по крайней мере, пока никто ее особо не заинтересовал – чистый бальзам на душу Влада. Что завтра-послезавтра у нее какие-то неотложные дела, но вот потом... И еще выяснилось, что человек она не слишком общительный и у нее нет странички ни в Вконтакте, ни в других подобных интернет-сообществах. И это весьма озадачило Влада, потому что все его знакомые девчонки обожают заводить свои странички где только можно и выставляли на них кучу своих фотографий во всех видах, доходя порой до самой последней грани приличия. И он лишний раз убедился, что Ясмин это нечто особенное, пожалуй, даже до сей поры ему незнакомое.

После беседы с ней он чувствовал себя как-то странно. Словно пообщался с существом с иной планеты, хотя и говорящим на его языке. И сам не мог понять, почему его преследует подобное ощущение. Потому ли, что она девушка воспитанная и не бравирует столь привычными теперь в молодежной среде табуированными словами? Но не в первый раз он общался с московской барышней из приличной семьи, которая не употребляет бранных слов, однако те, прежние, никогда не производили на него столь сильного и необычного впечатления. Девчонки как девчонки, и хорошо, что не ругаются матерными словами, – все-таки не грузчики. А может, его озадачило, что она настолько хорошо знакома с биографией Омара Хайяма? Возможно. Он привык ощущать себя продвинутой и начитанной своих визави женского пола. Однако, положив руку на сердце, дело было не в этом. Рядом с Ясмин он не комплексовал, ведь она не подчеркивала своего интеллектуального превосходства и не пыталась над ним доминировать. Ее превосходство крылось в другом: она была женщиной. Причем, женщиной, настолько притягательной и очаровательной, что спорить с присущей ей прелестью было бессмысленно и невозможно. Она была совершенна, эта легкокрылая перь, и с этим ничего нельзя было поделать. И кем же должен быть я, чтобы обладать этим волшебным существом? Насмешливо спросил он себя. Дэвом из персидской сказки?!

Он еще побродил по интернету, проверил записи на своих страничках от Вконтакте и до бесконечности, кому-то ответил, кому-то поставил лайк на выложенную фотку, в общем, маялся дурью. И хотя вроде был занят делом, стараясь отогнать прочь мысли о Ясмин, ничего не получалось, ибо эти самые мысли текли параллельно его активному присутствию в интернете. Тогда он сдался и позволил этим навязчивым мыслям полностью завладеть его сознанием. Интересно, думал он, почему, увидев впервые Ясмин, я сразу назвал ее перь? Ведь у меня осталось лишь какое-то отдаленное воспоминание об этих созданиях, которые встречаются в волшебных персидских сказках, или в стихах поэтов 19 века, которые постоянно сравнивают очаровательных женщин с прелестными перьями. Он зашел в поисковик и набрал это слово. «Перь – прекрасные воздушные существа, питающиеся запахом цветов и витающие в высших слоях воздуха. Хотя они и принадлежат к «девам», падшим духам, подчиненным Ариману, но, как уже исправившиеся, они могут приблизиться к раю и по совершенном очищении войти в него».

«Питающиеся запахом цветов... – Так я и думал, произнес он вслух. – Недаром вокруг нее всегда стоит облачко чудесного аромата...» И продолжил уже мысленно: кажется, я окончательно схожу с ума – но это приятно.

Через пару недель ему позвонил Борька и пригласил на день рождения. Суббота, как известно, самый приятный день для любого относительно нормального студента. Потому как предвкушение отдыха зачастую гораздо приятнее отдыха реального. Борис Авенберг, старый приятель Влада, с которым они вместе еще в детский сад ходили, в последние годы вдруг резко рванул вверх по социальной лестнице. Вернее, рванул его отец, каким-то хитрым образом возглавивший известный финансовый институт, занимавшийся инвестициями. Естественно, что обожавший своего отпрыска папочка, пристроил того в университет на международную торговлю, чем, впрочем, Авенберг-младший вовсе не кичился, потому что обладал на редкость

уравновешенным характером и достаточно рациональным умом, позволявшим ему реально оценивать свои способности. Невысокий, кругленький и уже едва заметно начинавший лысеть, Борька умел быть душой компании, тем более что собирать эти самые компании и веселиться от души он любил. Когда его папочка вдруг вознесся на почти недостижимые для среднего человека высоты, Борька почти не изменился, хотя иногда обожал повыпендриваться перед сокурсниками и старыми друзьями, о которых, впрочем, не забывал. В откровенных разговорах он признавался Владу, что человек он ведомый, и высовываться не любит, а просто хочет спокойно жить и пользоваться всеми доступными благами – в разумных пределах. Последнее он всегда подчеркивал особо, ибо эпатажные выходки сынков богатеньких родителей, считающих себя золотой молодежью, которой все дозволено, его раздражали. Все-таки он воспитывался в интеллигентной еврейской семье – отец был банковским служащим, мать преподавала в музыкальной школе – и совершенно справедливо считал подобные выходки вульгарным моветоном. Да и свою дальнейшую жизнь он представлял вполне ясно: родители подберут ему еврейскую девушку из хорошей семьи, на которой он женится, – и по возможности постарается быть счастливым. Только бы девушка попалась симпатичная! Вздыхал он. А пока надо окончить институт, или хотя бы четвертый курс.

– Борька, какого черта? – всегда возмущался Влад на эти его исповеди. – У тебя же нет никакой внутренней свободы. А если ты сам в кого-то влюбишься до умопомрачения?!

При этих его словах Борька впадал в глубокую задумчивость, видимо, представляя эту самую «умопомрачительную любовь», потом глубоко вздыхал, качал большой круглой головой и мудро замечал: «Это не для меня. Ну, нравятся мне девчонки разные. Представляю всякую там эротику с ними. Но вот влюбиться так, чтобы рассудок потерять... Нет, это не мое. Столько суеты, а я покой люблю. И чтобы все в моей жизни текло ровно да гладенько».

– Но у тебя хотя бы кто-нибудь был?

– Ну да, я с Ленкой дружил и еще с Надей Соловейчик.

– Дружил в смысле «дружил», или?

– Или? Нет, вот «или» не было. Они девушки порядочные, блюдут себя.

– Ты в каком веке живешь? – Изумлялся Влад. – Да сейчас все девчонки уже в пятнадцать лет вовсю трахаются.

– Ну, это ты хватил, – добродушно прервал его тогда Борька. – Да мне, если честно, этого особо и не надо. Потом столько всяких проблем возникает: то она в тебя влюбится, то забеременеет, то еще что придумает. Нет уж, спасибо вам! Лучше я подожду немного.

– Ну, ты гигант! – восхищался Влад. – Я так не могу. Все время в какие-нибудь любовные истории влипаю. И точно, потом девчонки обязательно начинают крутить, хитрить чтобы подвести к женитьбе, или деньги бессовестно тянут: купи то, купи это... – Он глубоко вздохнул. – И все же – «без женщин жить нельзя на свете, нет!..» Помнишь, как мы с тобой в восьмом классе в оперетту на «Сильву» ходили, просвещались?

– Еще бы не помнить! Я тогда впервые новый костюм надел, с иголки, а его прямо возле театра чертов голубь обделал. Да еще как обделал, сволочь!

– Причем, голубь перед этим очень хорошо отобедал. У тебя было такое растерянное и несчастное лицо!

– А ты сразу потащил меня к автомату в магазине, купил бутылку воды и носовым платком оттирал все это безобразие. И ржал, как лошадь.

Оба невольно расхохотались, припомнив в деталях ту анекдотичную историю.

Когда он поинтересовался у Борьки, можно ли прийти с девушкой, тот легкомысленно отвечал, что разрешает Владу притащить хоть сотню девушек, ибо выпивки и жратвы хватит на всех, ещё и останется. Сейчас квартира в его полном распоряжении – родители на неделю смылись то ли на Мальдивы, то ли на Канары, он точно не помнит. И еще Борька строго-настрого предупредил, чтобы не вздумал покупать подарок – все эти идиотские мелочи, кото-

рые вечно дарят на день рождения, только место занимают, и потом неизвестно что с ними делать: вроде бы на фиг не нужны, но и выбросить неудобно, все-таки подарок. На том и расстались.

Влад тут же перезвонил Ямин и пригласил на тусовку к старому другу. Она на удивление легко согласилась, чему он несказанно обрадовался, потому что их отношения застыли на уровне прогулки от универа до станции метро – походы в кино, театр или кафе она пока отвергала под благовидными предложениями.

В субботу после занятий Влад поджидал Ямин возле главного входа в универ, и когда она появилась на крыльце, а потом легко сбежала по ступеням, вновь залюбовался естественной грацией девушки. На ней была светлая куртка, привычные синие джинсы, черная сумка через плечо. И темная волна волос, ниспадавших до талии, что вносило в ее облик какой-то восточный колорит. Все в ней было просто, гармонично – и невероятно. Она была удивительно хороша.

Бок о бок они дошли до станции метро, спустились по эскалатору, сделали две пересадки – и вот уже перед ними охраняемый двор престижного дома, который находится в самом центре недалеко от Кремля. Строгий консьерж поинтересовался, к кому они направляются, педантично сверился со списком, когда Влад назвал свою фамилию, кивнул согласно – и направил к лифту.

Борька обитал на последнем этаже высотки. Квартира огромная, дорого обставленная, двухуровневая. Влад был у него в гостях несколько раз, но так и не выяснил, сколько всего в ней комнат. Комнат было много. Борька провел их в гостиную. Он явно не озадачивался праздничной сервировкой: все было просто до ужаса. Но дорого. Длинный стол был придвинут к стене, на нем расставлены ёмкости с закусками на любой вкус, от огромного блюда с устрицами до жареных лягушачьих лапок включительно. И бутылки, бутылки с иностранными этикетками: французские, итальянские, испанские вина всех цветов и крепости. Разумеется, несколько сортов виски тоже присутствовали, скромно дожидаясь своей участи быть выпитыми возле большой серебряной чаши с колотым льдом. Среди этого гастрономического буйства особенно картинно выделялся своей поджаристой корочкой молочный поросенок с зеленой веточкой петрушки во рту, аппетитно расположившийся на овальном блюде.

– Заказал все, что было в ресторанном меню, – пояснил Борька. – Берите тарелки, бокалы – и вперед. Гостей набежало до фига, так что особого внимания уделить не смогу. Ну, да вы и сами справитесь! – Он вопросительно уставился на Влада и после затянувшейся паузы поинтересовался. – Ты нас так и не представишь?

И несколько смущенный Влад с подобающей случаю учтивостью объявил: «Ямин – это мой старый друг Борис. Борис, хочу представить тебе самую красивую девушку Москвы – Ямин». Ямин слегка улыбнулась. Борька картинно наклонил голову, изображая истинного аристократа, как это он себе представлял. Вышло неплохо.

Гостей, действительно, заявилось предостаточно. У Влада даже создалось впечатление, что с половиной из них не знаком и сам Борька. Но какое это имело значение? Открыли шампанское и шумно выпили за виновника торжества. Потом за родителей. И – понеслось.

Кое-кого из присутствующих Влад все же знал: в разное время пересекались у Борьки. Это были его сокурсники и сокурсницы. Которые, в свою очередь, прихватили с собой своих друзей. Так что скоро все общество было охвачено неким броуновским движением, то распадаясь на небольшие группки по интересам, то вновь собираясь в единую стаю, и тогда провозглашался громогласно очередной тост в честь хозяина, за хорошую погоду, за прекрасных дам и мир во всем мире. В соседней комнате включили музыку, и парочки, одна за другой перекочевали туда; тесно прижавшись, молодые люди медленно двигались под танцевальные мелодии, словно впад в своеобразный транс, наслаждаясь собственными ощущениями и эротическими фантазиями, не всегда достижимыми в реальной жизни.

В подобной разношерстной компании Влад чувствовал себя как рыба в воде. Его нисколько не напрягало, когда молодые люди, в основном, Борькины сокурсники, хвастались своими дорогими авто, купленными папочкой, или же с легким пренебрежением, как бы между прочим описывали свой летний отдых где-нибудь в Италии-Франции-Испании-Англии. Комплексом неполноценности от отсутствия бешеных денег он никогда не страдал. Более того, относился к хвастунишкам с легкой иронией – ведь денег они сами не заработали, а получили от родителей.

Наблюдая за Ясмин, он лишний раз убедился в ее абсолютной органичности. Выпив немного шампанского, она съела пару бутербродов, попросила Влада наполнить бокал розовым итальянским вином и устроилась на мягком кожаном диване, взирая на происходящее словно бы издалека. Не то чтобы она нарочито изучала или выказывала презрение по отношению к остальным – нет – она просто оставалась сама собой. Несколько раз ее приглашали танцевать, однако она мягко, но решительно отказывала. Когда зажгли кальяны, и гости с видом знатоков стали курить ароматные смеси, она, как показалось Владу, едва сдерживала смех. Борька предложил ей попробовать, она грациозно прыгнула с дивана, пересела в кресло и затянулась из протянутой трубки. Поморщилась: «Не люблю перечную мяту, слишком резкая. А нет ли у вас со вкусом яблоны?» – обратилась к Борису. Тот только плечами пожал: вроде бы нет.

Влад тоже пригласил ее на танец. На этот раз она не отказалась, но танцевала слегка отстранившись, словно опасаясь почувствовать его всем телом, чего так жаждал он сам. И – черт возьми! – когда ее волосы коснулись его лица, он едва не потерял сознание.

Время шло. За окнами уже давно стемнело. Парочки одна за другой разбредались по многочисленным комнатам Борькиной квартиры, ища себе пристанище в виде кровати, дивана, или на худой конец хотя бы кресла. Борька уже давно ушел в свою комнату и вырубился, давненько он не принимал на грудь так основательно и с такой скоростью. Ясмин, свежая и бодрая, словно утренний цветок, подошла к Владу и взяла его за руку: «Пойдем? Стало скучно...» И он, словно послушный щенок, последовал за ней, не задавая вопросов.

Было около десяти вечера – детское время, – и Влад изо всех сил пытался измыслить что-нибудь оригинальное, чтобы продлить общение с Ясмин. Они уже стояли перед дверцами лифта, как вдруг его осенила поистине гениальная идея.

– А хочешь, – повернулся он к ней, загадочно улыбаясь, – мы с тобой сейчас вознесемся на небо?

Влажные глаза газели удивленно воззрились на него, в них он прочел недоверие: «Что, прямо сейчас?»

Он утвердительно кивнул. Идея, действительно, была блестящей.

– Тут есть одна хитрая штука, в этом доме. Точнее, на чердаке дома. Ещё точнее – на крыше. Мы с Борькой там не раз бывали: видно пол-Москвы. Красота!..

– А там не заперто?

– Пошли-пошли, – он потянул ее за руку к черному ходу. – Крыша плоская, летом там народ загорает; помнится, даже стулья имелись. Ты высоты не боишься?

– Вроде бы нет...

Узкая лестница черного хода, ведущая вверх, не была освещена. Влад вытащил из кармана зажигалку, и трепетный огонек засветился в его руке, как крохотный фонарик. Держась за перила, они осторожно поднялись к дверце на чердак. Теоретически металлическая дверь должна быть на замке, но замок уже давным-давно вывернули с корнем жаждущие ярких впечатлений полуночники. Осталось только широко распахнуть ее и вскарабкаться на крышу по металлической лестнице без перил, что они и ловко проделали.

Влад, который с детства не боялся высоты, на всякий случай осторожно придерживал Ясмин за локоть – мало ли что? Однако она чувствовала себя вполне уверенно, и он скоро отпустил ее. Здесь, наверху, было достаточно светло, чтобы свободно передвигаться по плоской

поверхности крыши. В ясном небе висел слегка заиндевевший серебряный шар почти полной луны, похожий на хрупкое ёлочное украшение; внизу разноцветными световыми волнами дрожал и перекашивался рассеянный свет от тысяч и тысяч ламп городской подсветки, рекламы, витрин магазинов. Они осторожно подошли к краю крыши, огороженному невысоким металлическим барьером, и замерли в восхищении, наблюдая за волнующимся над землей морем света. «Боже мой, какая красота, – едва слышно прошептала Ясмин. – Я и не подозревала...» И Влад преисполнился гордости, что смог ее удивить.

Здесь наверху дул ровный и холодный ветер. Казалось, что их только двое во всем мире, и они парят над городом в бесконечном воздушном океане. Владу вдруг показалось, что под воздействием ветра, дом слегка раскачивается, он едва не потерял равновесие и отпрянул от края крыши. Ясмин обеспокоенно оглянулась. «Тебе не холодно? – спросил он. – Давай поищем местечко за ветром. – Он огляделся в поисках пристанища, где можно было бы удобно устроиться, – да вон хотя бы за тем выступом...» Они подошли к бетонному выступу, напоминавшему ребро мифического левиафана, и осмотрелись. Чуть в стороне стояли несколько сиротливо зябнувших стульев, вероятно, забытых здесь с лета; Влад перетащил пару стульев прямо под стену, и они удобно расположились рядышком, укрывшись от ветра.

– Интересно, – задумчиво сказала она, – зачем на крыше эта бетонная стенка?

– Наверно, брандмауэр, – предположил он.

– Да, вероятно...

И они надолго замолчали, наслаждаясь непривычной плотной тишиной, которой никогда не бывает там, внизу, в земном беспокойном мире – и близостью.

– Одно время я увлекался японской литературой, – сказал он. – Ну, там Кавабатой, Мисимой, Акутагавой... И меня по-настоящему доставало – я тогда все-таки был моложе, – серьезно пояснил он – это их особенное, с нашей точки зрения, даже чрезмерное переживание красоты окружающего мира. Первозданной красоты, что ли. Тогда для меня необычно и, пожалуй, диковинно звучали понятия: «любование луной», «любование снегом», каким-нибудь там отражением луны в воде... А теперь, кажется, я это чувствую, понимаю... – он неотрывно, словно за гипнотизированный, смотрел на слегка затемненный с одной стороны голубовато-серебряный, словно выточенный из горного хрусталя, лунный шар.

– «Пригоршню воды зачерпнул./ Вижу в горном источнике/ Сияющий круг луны,/ Но тщетно тянутся руки/ К неуловимому зеркалу». – Негромко и отрешенно произнесла она.

– «Равнина небес./ Луна полноты достигла./ Тропу облаков,/ Единственную из всех,/ Избрал для странствия ветер». – Отозвался он.

– «Лунный прекрасен свет,/ Когда сверкает россыпь росы/ На вишневых цветах,/ Но печальная эта луна/ Над зимним увядшим лугом...»

– «Пришлось разлучиться нам,/ Но образ ее нигде, никогда/ Я позабыть не смогу./ Она оставила мне луну/ Стражем воспоминаний».

– «Глубокой зимой/ Как ослепительно ярко/ Блещет лунный свет!/ В саду, где нет водоема,/ Он стелется, словно лед».

– Никогда бы не подумала, что тебе нравятся японские танка, – после долгого молчания сказала она. – Значит, у тебя тоже есть «Капля росы»?

– Ну да. Томик японских пятистиший, – подтвердил он. – А ты думала, я не воспринимаю подобные стихи?

– Только не обижайся, – она повернула к нему лицо с блестящими в темноте глазами, – но ты производишь впечатление экстраверта, общительный, легкий на подъем. Обычно такие люди не склонны к философии и отвлеченным размышлениям.

– Возможно. Но моя общительность – отчасти мимикрия. Не хочу, чтобы кто-нибудь лез в мою душу. Знаешь, как бывает, – откроешься человеку, доверишь что-то сокровенное, а он

потом с удовольствием потопчется в твоей душе. – Он усмехнулся, – что-то я все «душа» да «душа», словно проповедник какой.

– А что в этом плохого? В наше время некоторые умудряются жить вовсе без души. И вполне счастливо.

– Сейчас я ощущаю себя почти японцем, – снова заговорил он, но теперь уже с легкой иронией. – Ветер, осень, опадающая разноцветная листва, первый ледок по кромке водоемов... И эта луна – неестественно живописная, как на японских гравюрах.

– Или на акварелях Волошина. Впрочем, он тоже увлекался японцами...

А луна и в самом деле смотрелась на редкость картинно. На фоне густо-чернильного небесного свода вокруг ее «яркого ока» водили хороводы, сверкая и перемигиваясь, голубоватые, желтоватые, красноватые звезды. Медленно плыли, легкие и полупрозрачные, как серовато-серебристая вуаль, облака. Небольшие, четко очерченные, изысканной формы, эти облака будто специально были брошены чьей-то небрежной рукой на темный холст неба в стремлении подчеркнуть утонченную красоту мимолетной небесной картины, задуманной и воплощенной самим Создателем. По крайней мере, именно такие чувства испытывал Влад, неотрывно глядя на небо.

Они оба надолго замолчали. Наконец Ясмин задвигалась, словно внезапно очнувшись, и коротко, со всхлипом, вздохнула. «Все, хватит, – проговорила она, – а то сейчас расплачусь, и ты будешь полночи меня успокаивать». Он встревожено посмотрел на нее: «В чем дело? Я тебя обидел? Может, ты замерзла? Ах, я идиот, ты же легко одета!»

– Нет-нет, дело не в этом. Хотя, я и вправду уже немного замерзла. Дело в ней, – и она кивнула на небо.

– В ней? – не понял он.

– Ну да, в ней, в луне! Она так прекрасна... – и она снова всхлипнула. – Когда я вижу что-либо настолько божественное, как эта луна сегодня и окружающие ее, совершенные в своей завершенности, облака, – волшебные облака, – я начинаю рыдать от переизбытка чувств.

– О господи, Ясмин! – он обнял ее и прижал к себе.

Она не сопротивлялась. Так они сидели некоторое время – ему показалось, что протекла вечность, хотя, быть может, всего лишь мгновение. Восхитительное мгновение, которое остановилось. Потом она осторожно высвободилась из его объятий и встала.

– Пожалуй, мне пора. – И направилась к люку, ведущему на железную лестницу.

В этот вечер он впервые проводил ее до подъезда дома. Старого, вероятно, еще дореволюционной постройки, имеющего настоящий двор, огороженный чугунной решеткой, украшенной многочисленными литыми завитушками и выющимися растениями с листьями, бутонами и цветами – настоящим произведением кузнечного искусства. Просторный двор в самом центре Москвы – большая удача и редкость. «И как только ему (в смысле дому) удалось избежать уплотнительной застройки?» – непроизвольно подумал Влад, прощаясь с Ясмин. Ему безумно захотелось поцеловать девушку, но что-то внутри подсказывало, что делать это сейчас нельзя. А она... она вежливо поблагодарила его за чудесный вечер – и скрылась за дверью подъезда. Несколько минут он стоял неподвижно, все еще ощущая ее присутствие, вдыхая аромат ее духов, растворяющийся в воздухе, потом помотал головой, словно избавляясь от наваждения – и почти бегом кинулся к станции метро. Время подходило к полуночи, а ему еще нужно было доехать до конечной станции, чтобы потом успеть на последний автобус. Но это если сильно повезет. Если же нет – придется топать до дома пешком несколько километров. В ту ночь ему все-таки повезло.

На лекциях Влад и Ясмин теперь всегда сидели рядом. После занятий он частенько провожал ее до самого дома. Девчонки из его группы посмеивались над ним, иногда довольно зло – на него имели виды, – а он предпочел им какую-то новенькую. Особенно усердствовала Ольга,

с которой он прежде немного дружил. Но Влад не обращал никакого внимания на насмешки, и скоро от него отстали, поняв, что это у него серьезно.

Но если Влад всецело был поглощен своим чувством к Ясмин, то ответить себе на вопрос, любит ли его она, — он бы, пожалуй, не смог. Она как была, так и оставалась для него загадкой, вещью в себе. Конечно, он нравился ей, иначе она не проводила бы с ним время. Но... испытывает ли Ясмин по отношению к нему такое же всепоглощающее чувство любви, как он к ней, — этого он не знал.

В хорошую погоду они гуляли по московским улочкам, забредали в извилистые проулки старого города и восхищались приметами прошлого: узорными чугунными решетками, выполненными лет сто назад, или небольшими прелестными особнячками с мезонинами и балкончиками, глядя на которые невольно вспоминался девятнадцатый век, дамы в пышных платьях и роскошных шляпах, причудливо украшенные коляски и прочие атрибуты милой старины. Когда же предзимье впадало в хандру и выдавало свой отвратительный характер, превращая тротуары в грязевое месиво, а с серого, затянутого низкими тучами неба сыпал бесконечный мокрый снег, они подолгу сидели в кафе. Заказывали по чашечке кофе, негромко говорили, или просто молчали. Около Ясмин он совершенно терялся, разве что не начинал заикаться, видел только ее, не замечая ничего вокруг, словно одно ее присутствие образовывало вокруг них невидимый кокон, через который не проникали извне никакие звуки или события окружающей жизни. И тогда во всем мире существовали только он и она, вечные и прекрасные, как Адам и Ева.

Несколько раз они целовались в подъезде, в парке, в темном коридоре универа. Ясмин всегда следила за тем, чтобы поблизости не было никого, она не выносила открытого проявления чувств на публике, считала это дурным тоном и презрительно отзывалась о девушках, которые откровенно флиртовали с парнями. Едва Влад впервые попытался поцеловать ее на улице, она сразу дала ему понять, что не так воспитана и презирает подобные отношения. Но зато когда она позволяла ему себя поцеловать, и ее упругие губы цвета граната касались его губ, на него накатывала такая мощная волна блаженства, что он, в буквальном смысле слова, мгновенно переносился с грешной земли на седьмое небо, где в наше, пронизанное скепсисом время, теперь, очевидно, располагаются райские кущи.

Одним мрачным октябрьским вечером после занятий Влад дожидался Ясмин в университетском фойе, а когда она наконец появилась, проводил сначала до метро, а потом, не в силах расстаться, и до самого дома. Обычно они пересекали огороженный двор с высокими деревьями и останавливались у ее подъезда, потом дверь за ней закрывалась, а он еще некоторое время, не отрываясь, глядел на эти мощные дубовые ворота с литой бронзовой ручкой, представляя, как она поднимается к себе по лестнице. Однако на этот раз, когда снабженная домофоном дверь распахнулась с приятным мелодичным звуком, девушка неожиданно взяла его за руку и потянула за собой. Удивленный Влад не сразу сообразил, что его приглашают войти, и слегка притормозил, упираясь, но тотчас устремился следом.

Ясмин поздоровалась с консьержем, который бросил на парня изучающий взгляд, потом приветственно кивнул ей. По широкой мраморной лестнице поднялись на третий этаж, она отперла дверь и шагнула в полутемную прихожую размером с большую комнату в стандартной квартире Влада. Они повесили куртки на вешалку, Ясмин скинула зимние сапоги и надела вышитые тапки с загнутыми носками. Такие же яркие туфли, только большего размера, придвинула Владу. Он с интересом уставился на них.

— Персидские, — улыbnулась она, — надевай, очень удобные. Идем в мою комнату. Или вначале хочешь осмотреться? Мои предки живут в этом доме, наверное, лет сто. Не квартира, а музей какой-то. Но я привыкла, мне нравится.

Впервые в жизни он попал в дом, где семья проживала не одно и не два поколения, а на протяжении, быть может, века или даже полутора. Квартиры всех его знакомых, как и

его самого, не имели длительной истории; в них заселились по историческим меркам совсем недавно, их родители, в крайнем случае, бабушки и дедушки. Но здесь, у Ясмин, возникало совершенно иное ощущение, словно со всех сторон его окружало само время. В больших комнатах с высоченными потолками стояла старая, ставшая уже антикварной, мебель из красного дерева, дуба, карельской березы. И хотя Влад не был знатоком интерьеров, все же понимал, что все эти лакированные столы, шкафы и шкафчики, разнообразные секретеры и поставцы, наверное, не только старинные, но и по теперешним временам стоят бешеных денег. Паркет тоже был какой-то особенный, потемневший от времени, вероятно, дубовый. По стенам развешаны живописные портреты царских чиновников в блестящих мундирах и прекрасных дам со сложными, вычурными прическами, в изысканных нарядах ушедших эпох. Портреты тоже были старинными. Между ними в резных рамках размещались фотографии. Некоторые выглядели очень старыми и пожелтели от времени. На них можно было разглядеть мужчин и женщин в одеждах начала прошлого века. Другие казались более современными, да и запечатленные на них люди были одеты по моде середины, или даже конца двадцатого столетия. Он осматривался с искренним любопытством.

– Мои предки, мои дальние и близкие родственники, – кратко пояснила наблюдавшая за ним Ясмин. – Служат России на протяжении почти двух веков.

И он вдруг с удивлением подумал, что ровным счетом ничего не знает о семействе любимой девушки. Просто в голову не приходило расспросить ее, или поинтересоваться у того же Сергея, когда тот открытым текстом говорил, что Ясмин ему не пара.

– Впечатляет. И в какой области, если не секрет, происходит это служение? – спросил он.

– В основном, по военной или дипломатической части. У меня папа дипломат.

– А-а... наверно это интересно?

– Да как тебе сказать? По-своему, конечно, интересно. Но в МИДе, как и везде, бюрократии много, со всеми, вытекающими отсюда последствиями.

– Подсизивания, интриги, доносы, – со знанием дела кивнул он.

– Примерно так. Тебе-то откуда известно? – с усмешкой сказала она.

– Читал «Александрийский квартет», там это хорошо описано.

– Классный роман. Обожаю Лоуренса Даррела! Вот уж не ожидала... – не договорив, она прикусила язычок.

– Что я его читал? Представь себе – да. И неоднократно перечитывал. А насчет интриг и разнообразных взаимных пакостей сотрудников... В любой закрытой корпорации происходит одно и то же: психология-то у людей одинаковая. У меня отец на заводе служит, под началом у него около тысячи человек. Так стучат людишки начальству друг на друга почему зря. А у мамы в больнице такие интриги закручиваются – тайны мадридского двора отдыхают!

За окнами уже совершенно стемнело. Они прошли в столовую, и Ясмин включила свет. Метров тридцать, если не больше, мысленно прикинул Влад площадь комнаты. Над огромным обеденным столом висела вычурная стеклянная люстра, переливавшаяся разноцветными огнями, которые отражались в темной лакированной поверхности столешницы, как в зеркале.

– Правда, впечатляет? – улыбнулась Ясмин. – Когда я была маленькой, приходила сюда, включала свет и любовалась сверкающими стеклянными подвесками, словно ёлочными украшениями – мне казалось, что я попала в рождественскую сказку; потом немного подросла и представляла, что нахожусь в королевском дворце, как Золушка, или что-то в этом роде. Кстати, перед тобой настоящее венецианское стекло. Мой прадед привез эту люстру из Венеции. А может, и прапрадед, точно не знаю. – И добавила, проследив за его взглядом. – А это портрет моего пра-пра-пра... Он написал книгу под названием «Книга благодарения царю царей» и преподнес ее в дар императору Александру II, при дворе которого служил тогда.

– Черт возьми! – невольно произнес Влад. – И в честь чего он написал такую верноподданническую книгу?

– О, тут надо знать историю нашего рода...

– Ну, так просвети! – Он слегка ёрничал, хотя умирал от любопытства. – Между прочим, мне ужасно хочется знать, откуда у тебя такая необычная фамилия – Шахтатинская.

– Так и быть, поведаю, – усмехнулась она. – Идем ко мне.

Они миновали еще несколько комнат и оказались, наконец, в ее покоях. Это были две большие смежные комнаты. Спальня, куда она сразу закрыла дверь, и кабинет-гостиная, с огромным диваном, обитым потемневшей от времени парчой.

– Присаживайся, – кивком указала на диван. – Ты есть хочешь? Я проголодалась. Сейчас что-нибудь принесу.

И пока он, устроившись на диване, озирает комнату – в целом, обычную, с компьютерным столиком и музыкальным центром, которые несколько контрастировали с огромным резным книжным шкафом, где за стеклами тусклым золотом поблескивали корешки старинных фолиантов, и размышлял, с чего бы это вдруг его пригласили домой? – она вернулась с тарелкой бутербродов и парой бутылочек газированного напитка на подносе. Поставила его на журнальный столик возле дивана, присела рядом с Владом, и они с аппетитом набросились на еду.

Покончив с последним бутербродом, она промокнула салфеткой губы и, наконец, заговорила:

– Насчет фамилии ты верно заметил. Видишь ли, наш предок, Бахман-мирза, – внук персидского шаха Фатх-Али. К тому же он был младшим братом царствовавшего тогда в Персии Мухаммад-шаха. Это 30–40-е годы девятнадцатого века. Какое-то время шах ему доверял, и принц Бахман-мирза правил Южным – Иранским – Азербайджаном. Но затем отношение брата к нему поменялось. У каждого правителя всегда найдутся враги, которые плетут сложные дворцовые интриги. Благодаря этим «доброжелателям» мой предок попал в опалу. Причем, дело уже касалось не столько его статуса, сколько жизни. В общем, ему пришлось бежать. Сначала он укрылся в русской миссии в Тегеране, отдав себя под покровительство России, а затем на правах почетного гостя перебрался в Российскую империю. Поселился сначала в Тифлисе, потом в Шуше.

– Потрясающе! – Воскликнул Влад. – Я думал, такое бывает только в романах. Получается, ты – потомственная персидская принцесса?

– Ну, в общем, да...

– С ума сойти, – с чувством произнес он. – Когда я впервые увидел тебя в университете, почему-то сразу подумал – это перси. Настоящая перси из волшебной персидской сказки.

– Неужели? И чем же я похожа на персиянку?

– Не знаю, может, разрез глаз необычный. Или походка. Ей, богу, не знаю, не могу объяснить.

– Перси... меня так отец иногда называет.

– Потому что ты настоящая перси и есть. Волшебное легкрылое существо, питающееся ароматом цветов. И что же дальше произошло с вашим предком?

– А дальше у него было много-много потомков, которые предпочли остаться в России и служить новому отечеству на самом разном поприще. В основном, в русской армии. К тому же, условия жизни аристократии в российской империи были более благоприятными, нежели в гораздо более деспотичной тогда Персии. Наверное, мой далекий предок, принц Бахман-мирза, был человек не только прозорливый и умный, но и многое повидавший. Горький жизненный опыт убедил его в том, что «От добра добра не ищут». Благодаря своим достоинствам, он обрел прочное положение при русском дворе, что обещало ему и его потомкам высокое положение и в будущем. Таким образом, под покровительством Романовых принцы Персидские, потомки Бахман-мирзы, существовали и процветали многие годы.

– А потом?

– Потом... суп с котом. Сначала произошла Февральская революция, затем Октябрьская и заварилась жуткая каша. Началась гражданская война. Часть потомков Бахман-мирзы уехали в Европу и Америку, ну а мои предки остались в России. Как видишь, до сих пор служат отечеству.

– Занимательная история, – помолчав, сказал Влад. – Настоящий приключенческий роман. Просто дух захватывает.

– Кто бы его еще написал!..

От близости Ясмин, от запаха ее духов, от жара ее тела, у него кружилась голова. Ему хотелось схватить ее в объятия, сжать изо всех сил и никогда не отпускать. Однако он старательно изображал сдержанного и воспитанного молодого человека – да и как иначе можно было вести себя с Ясмин?

– Я тут посмотрел, – после паузы, едва справившись со своими чувствами, заговорил он слегка небрежно, – у тебя в книжном шкафу всякие фолианты стоят раритетные. И язык вроде бы арабский.

– Персидский, – пояснила она. – Книги, в основном, на фарси. Азбука похожа, потому что была смоделирована на основе арабской.

– А ты что, знаешь персидский?

– В Иране вообще-то два языка. Я знаю фарси. Не в совершенстве, конечно. Однако говорить и читать могу. Да и чему удивляться – мой дед завкафедрой восточных языков, с детства меня обучал.

– Скажи что-нибудь по-персидски, – попросил он.

Она встала с дивана, прошла по комнате, повернулась к нему и, глядя в глаза, произнесла несколько ритмичных фраз на незнакомом языке.

– Это стихотворение? Переведи, пожалуйста.

– Ни за что не переведу! – хихикнула она, и глаза ее озорно блеснули.

– Но почему? Так не честно. – Он поймал ее за руку, притянул к себе и усадил на колени. – Так-таки не переведешь? – произнес слегка осипшим голосом.

– Не-а... Ладно уж, это одно из рубайат Омара Хайяма. Очень хулиганское, между прочим, так что не проси перевести.

Она сидела у него на коленях и смотрела ему в лицо. Взгляд ее темных глаз – влажных глаз газели – казалось, через отверстия зрачков проник прямо ему в душу. Словно загипнотизированный змеей, он не мог ни пошевелиться, ни моргнуть. Странно, он совсем не ощущал веса ее тела на своих коленях. Голова у него тихонько закружилась, он почувствовал себя в безвоздушном пространстве, легким и невесомым. Ее прекрасные лучистые глаза вдруг расширились до размеров вселенной и поглотили его целиком. Ощущение было невероятным и сладостным.

Они долго и с наслаждением целовались, и Влад, у которого все еще кружилась голова, уже не отдавал себе отчета, где находится: на земле или на небе.

Вдруг Ясмин угрем вывернулась из его объятий: «Все, все, тебе пора! Скоро деде работы придет. Позже я вас представлю. Он – совершенно замечательный. И бабушка тоже». И хотя расстаться с Ясмин для него сейчас было смерти подобно, он повиновался беспрекословно. Сам не заметил, как очутился на улице, и потом даже не мог припомнить, каким образом оказался в своем районе возле своего дома – действовал, как автомат; все его мысли были заняты только ею.

Родители Ясмин жили за границей, отец служил в посольстве, и она общалась с ними по скайпу. Судя по всему, это ее не слишком напрягало – она была вещь в себе, совершенно самостоятельной личностью, которой уже не требовалась родительская опека. К тому же, дед и бабушка, с которыми она теперь проживала, похоже, отличались весьма строгими нравами, так что родители могли быть вполне спокойны за свое подросшее чадо. Из разговоров, вернее,

туманных намеков Ясмин вырисовывалась весьма интересная биография ее деда-профессора. Прямо она ничего не говорила, но некоторые ее, промелькнувшие вскользь, замечания относительно его работы переводчиком за границей, сопровождаемые слегка ироничной улыбкой, навели его на мысль, что тот служил в разведке. А может, это было лишь его фантазией, придававшей любимой девушке и всему ее семейству ореол таинственности.

Он всегда явственно ощущал между собой и Ясмин невидимую дистанцию, которую она, осознанно или же нет, установила, и это одновременно раздражало и притягивало его. И когда однажды она неожиданно пригласила его на семейный ужин, он по-настоящему растерялся и категорически отказался, испугавшись излишне светского приема, к которому не был готов. Воспитан он был просто, дома за обедом пользовались ложкой и вилок, в праздники еще и ножом. Представив себе ужин в аристократическом доме (так он мысленно окрестил семью Ясмин), где вилок, ножей и тому подобных приборов может быть несколько, а он понятия не имеет, как со всем этим управляться, – он запаниковал. Но по зрелом размышлении передумал. Полазил по интернету, ознакомился с этикетом, изучил столовые приборы и даже немного потренировался на кухне, воображая подаваемые блюда. Таким образом, одним мерзким промозглым вечером он переступил порог дома Шахтатинских с шикарным букетом цветов, который преподнес бабушке Ясмин, а затем в тесном семейном кругу (присутствовали еще ее дядя с женой и, конечно, уникальный дед) отужинал с ними, изображая из себя привычного к подобным мероприятиям молодого человека. Мanners Влада оказались вполне камилльфо, к тому же, сидевшая по левую руку от него Ясмин не сводила с него бдительного взгляда, готовая помочь в случае необходимости. Экзамен на знание светского этикета он выдержал если не на отлично, то на твердую четверку, и это возвысило его в собственных глазах.

После ужина мужчины удалились в библиотеку и закурили сигары. Влад от предложенной сигары отказался и достал сигареты. Курил он нечасто, скорее, изредка, чтобы поддержать компанию. Дед угостил гостей рюмкой португальского портвейна, похвалив год выпуска, потом немного поговорил с Владом. Как бы между прочим поинтересовался, где тот проживает, нравится ли ему учиться, каких предпочитает писателей, какие смотрит фильмы. И когда тот отвечал, согласно кивал головой, словно одобряя его вкус. Рассказал Влад и о том, как в прошлом году ездил со студенческим стройотрядом на Дальний Восток, а в этом собирается в Сибирь. Надо же заработать немного денег, чтобы не просить по мелочи у родителей. Этот рассказ почему-то особенно впечатлил деда Ясмин, и он ударился в воспоминания о своей поездке в дни молодости на Кунашир, тоже со студенческим отрядом. От природы Влад не был особенно стеснительным и, слушая его вполуха, одновременно размышлял, что на деда тот совсем не похож. Подтянутый, даже поджарый, с сединой на висках и четко вылепленными крупными чертами лица, он был весьма привлекателен внешне. Вот на кого, наверно, студентки вешаются, думал Влад. И глаза у него серые, не как у Ясмин. Вот только взгляд такой – брр! – как рентгеном насквозь просвечивает. Вроде бы улыбается, ведет легкую беседу – а глаза, глаза не улыбаются, изучают.

В библиотеку заглянула Ясмин и позвала Влада. Он извинился и с облегчением выскочил за дверь. Она увела его в свою комнату.

– Ну, у тебя дед... – он передернул плечами, пытаясь подобрать нужное определение, – серьезный, – нашел, наконец, более-менее подходящее слово.

– Он у нас физиогномист, – улыбнулась она. – По лицу может вывести всю подноготную человека.

– Так-таки всю!

– Всю – не всю, но многое. – И сочувственно поинтересовалась: – Как самочувствие? Не слишком тебя подморозили мои предки?

– Ничего, держусь. Оказывается, ты на свою бабушку очень похожа – такая же красивая.

– Что ты, она у нас просто красавица, а я – симпатичная.

– Скажешь тоже! – Не согласился Влад. – Ты тоже красивая. А сколько ей лет? Выглядит на тридцать пять. Это правда твоя родная бабка, или ты мне голову морочишь? Когда я ее увидел, решил, что это твоя мать.

– Да, правда, правда. Передам ей потом, какие ты вопросы задавал – она будет польщена и проникнется к тебе добрыми чувствами.

– Пока, значит, не прониклась?

– С чего бы?..

Так они пикировались некоторое время, а потом болтали еще бог весть о чем, перепрыгивая с темы на тему. Честно говоря, он сам не мог бы в точности припомнить, чего касался их разговор, да это было и неважно, – ведь слова всего лишь звучали, необязательные и легкие, и, рождаясь, тут уже улетали в пространство, бесследно в нем растворяясь. Настоящее общение происходило не словами, а на бессловесном, невербальном уровне, когда смысл фраз отходит на второй план, а на первый выступают выражение глаз, движения рук, поворот головы или взмах ресниц. Влюбленным не нужны слова.

В середине ноября резко похолодало, и хотя морозы были отнюдь не сибирские, где-то -15, Ясмин, пока они шли к станции метро, всегда жаловалась на холод и прятала лицо в пушистый песцовый воротник – воистину она была настоящим оранжерейным растением. Зато вечерами они подолгу общались по телефону, и с каждым днем разговоры становились все более откровенными и даже интимными, хотя начинались с обычной болтовни, обсуждения последних университетских новостей, или каких-либо насущных проблем, которые на данный момент казались обоим особенно животрепещущими.

Когда занятия заканчивались поздно, он обязательно провожал ее до самого дома – мало ли что может случиться глубоким зимним вечером. В гости она его больше не приглашала, и Влад решил, что не понравился ее предкам. Хотя дело, пожалуй, было не столько в нем самом – это он прекрасно понимал – сколько в его статусе. Он был простой парень из пригорода, сын инженера, пусть и занимающего довольно высокий пост на заводе, а она – дочь дипломата, девушка, как это ни смешно звучит в наше время, из высшего общества. Однако... почему «смешно»? Вовсе не смешно. Ясмин Шахтатинская – прапраправнучка персидского принца. Настоящая потомственная принцесса. Пери из восточной сказки. Что он может ей дать? Даже если после окончания института удастся поступить в аспирантуру, защититься, а со временем, быть может, стать профессором университета, как ее дед, – достоин ли он ее?! Ведь семья Ясмин наверняка предполагает, что она сделает блестящую партию, как говорили когда-то. И в качестве этой «партии» его кандидатура, безусловно, рассматриваться не будет.

Другой на месте Влада, возможно, ударился бы в рефлексии, начал комплексовать и даже стал избегать Ясмин. Другой, но только не он. Во-первых, потому что ему была свойственна самоуверенность; во-вторых, он безоговорочно верил в свое пока еще неизвестное, но непременно блестящее будущее; и наконец, в-третьих, – ему было глубоко наплевать и на ее родственников и на все эти старомосковские условности, потому что он любил Ясмин до безумия, и не мог представить себе существование без нее. Но было еще одно качество, которое не позволяло Владу погружаться в пучину отчаяния: свойственные молодости легкомыслие и несокрушимая уверенность, что все как-нибудь само собой утрясется и сладится без его участия; просто в силу стечения обстоятельств. И это его умение без сопротивления отдаться течению жизни, которая со временем сама вынесет к нужному берегу, не раз выручало его в будущем на жизненном пути.

Моления Влада, чтобы морозы поскорее закончились, через пару недель были услышаны наверху. На улице потеплело и выглянуло зимнее солнце, даря москвичам приятные ясные деньки с легким морозцем. Ясмин тотчас ожила и даже согласилась отправиться в парк кататься на лыжах.

Он поджидал ее в вестибюле метро. И когда она возникла в дверях, в ярком лыжном костюме, цветной шапочке, волосы разметались по спине – само воплощенное солнышко, – у него перехватило дыхание, настолько прекрасна была его Ясмин.

Настроение у обоих было преотличное. Пока шли к пункту проката лыж, она смеялась и резвилась, как ребенок, кидала в него снежки, толкала в высокие сугробы. Он отвечал тем же. Взяв лыжи, углубились в зимний парк, когда-то бывший лесом, и деревья в уборе из серебряно-голубого инея перенесли их в зимнюю русскую сказку. Они понаблюдали за большим дятлом в ярко-красном берете, деловито долбившим дерево в поисках личинок; посмеялись над гонявшимися друг за другом вокруг ствола старой сосны пушистыми белками. Город остался где-то далеко позади, его звуки почти не доносились в глубину парка – и это было настоящее чудо. Зимний лес, только поскрипывает снег под лыжами – и непривычная для горожанина тишина, словно их только двое во всем мире.

Она обогнала его и пошла впереди, легко скользя по накатанной лыжне. Он шел следом, неотрывно глядя на ее удалявшуюся спину – похоже, она решила от него оторваться, – и всем своим существом ощущал: вот оно, СЧАСТЬЕ!.. Потом прибавил хода и, почти нагнав ее, негромко позвал: «Ясмин!» Она снова попыталась ускориться – но не тут-то было, у него со школьных лет первый разряд по лыжам, – он нагнал ее и невежливо толкнул в сугроб.

– Это нечестно! Нечестно! – возмущалась она, барахтаясь в пушистом снегу.

– Давай руку, – наклонился он к ней.

Она схватила его за руку, сердито дернула на себя, и он тоже свалился в снег. «Вот тебе, вот! – приговаривала она, колотя его маленькими кулачками. – Я тебе сейчас покажу, как толкаться!» А он хохотал, отбиваясь от нее, и все пытался обнять, но мешали лыжи, – и от этого было еще веселее и забавнее. Наконец им удалось высвободиться из снежного плена. Оба притихли и долго стояли, обнявшись, под столетней елью, чьи темно-зеленые ветви опускались вниз, словно полупрозрачный хвойный шатер. Он остро ощущал близость девушки, исходившее от ее тела тепло, легкий жасминный запах ее духов. Осторожно касаясь губами ее губ, он каждый раз ощущал нечто вроде электрического разряда, который пробуждал в нем звериное желание обладать ею; желание, которое сводило его с ума и которому трудно было противиться. Но это была Ясмин – его принцесса из волшебной сказки. И он интуитивно чувствовал, что ни в коем случае нельзя опоплять эту сказку. Как-то раз он уже занимался любовью на скамье в осеннем парке. Всего пару лет назад, а кажется, прошла уже тысяча. Девушка была старше и очень ему нравилась, они что-то пили, а потом *это* произошло. Произошло настолько деловито и обыденно, что сейчас он даже не смог бы припомнить свои тогдашние чувства. Животное желание – ничего более. Ничего более.

Влад был не просто влюблен в Ясмин, он ее любил – и прекрасно это сознавал. Его чувство к ней было чем-то совершенно иным, нежели предыдущие влюбленности, чем-то высшего порядка. Девушка казалась ему необыкновенной, исключительной, удивительной; но ведь общеизвестно: любящий мужчина всегда наделяет предмет своей страсти самыми выдающимися качествами, возводит на пьедестал и видит в нем недостижимый образец женской прелести.

Однако Ясмин и в самом деле не походила на тех девушек, с которыми прежде ему доводилось встречаться. Он начал дружить с девчонками лет с тринадцати. Но его подростковые увлечения столь же быстро и непредсказуемо обрывались, как и возникали, почти не оставляя в душе следа: словно ярко вспыхивала петарда, взлетая высоко в темное небо, рассыпала красочные огненные искры – и тут же гасла, оставив легкий шлейф дыма, исчезающий на глазах. Очень уж земными и предсказуемыми оказывались при ближайшем рассмотрении даже самые красивые девушки. С Ясмин всё было иначе. Непредсказуемо и загадочно. Легкокрылая пери, одним словом.

Часто он не понимал ее. Да и как обычный земной человек может понять до конца существо из иного мира? Иногда она казалась ему искренней, родной, близкой и доступной, но вдруг в какой-то момент между ними словно вырастала невидимая стена, сквозь которую невозможно было пробиться. Вроде бы она находилась с ним рядом и одновременно где-то далеко-далеко. Душа ее закрывалась от него, и тогда он болезненно ощущал себя отторгнутым, пытался пробиться сквозь эту призрачную стену – но безрезультатно. Он впадал в отчаяние, упрекал ее, что она отдаляется от него, однако Ясмин лишь слегка улыбалась в ответ, не пытаясь оправдаться или разубедить его, что на ее месте наверняка попыталась бы сделать любая нормальная девчонка. Проходило какое-то время, и стена между ними рушилась столь же внезапно, как и возникала, и он снова ощущал подле себя прежнюю Ясмин, ласковую, сердечную и, кажется, тоже в него влюбленную. Хотя в последнем до конца уверен не был, ведь они никогда не признавались друг другу в любви, старательно обходя эту тему, словно перед ними распростерлось минное поле. Говорили о чем угодно, только не о своих чувствах, словно боялись прикоснуться к той эфемерной и нежной материи души, которую так легко повредить грубыми попытками перевести всё в слова.

Зато свободно рассуждали о поэзии, перепрыгивая из столетия в столетие: Золотой век русской поэзии, Серебряный, современность... А существует ли вообще современная поэзия?! Порой спорили до хрипоты, до взаимных обвинений в консерватизме. Кто в двадцать лет не революционер?.. Поэзия побуждала к философским размышлениям. И принц датский Гамлет с его извечным: «Быть или не быть?» – порой представлялся ближе самого близкого друга, потому что его мучили такие же болезненные вопросы, как и тебя. Пытаться приоткрыть тайну, или хотя бы приблизиться к разгадке смысла собственного бытия – вот истинная цель, ради которой стоит жить... Ну а после посещения выставок современного искусства, оба порой пребывали в полном недоумении: можно ли называть искусством в полном смысле этого слова отвратительного вида кучу мусора посередине выставочного зала, возле которой стоит табличка с надписью, что сей шедевр символизирует «городского феникса, возрождающегося из пепла» (нагромождение порванных помойных пакетов, из которых вылезает наружу всякая дрянь, а на самом верху – здоровенная галоша, подразумевающая, видимо, того самого «феникса»).

Почти каждый вечер, перед сном, он ей звонил, чтобы пожелать спокойной ночи и услышать ее голос. Так сложилось само собой, что всякий раз звонил именно он. И когда в трубке слышалось ее милое «алло» – сердце у него на мгновение замирало, а затем начинало биться в бешеном ритме, словно это был не разговор с любимой девушкой, а полет в космическом пространстве с космическими же перегрузками.

Но одновременно его почему-то очень задевало и раздражало то, что звонит всегда он ей, а не она ему. В отношениях с его предыдущими пассиями ситуация складывалась обратная: это ему названивали девушки, а он лишь царственно принимал знаки их внимания и позволял с собой разговаривать. Теперь же роли переменились, названивал Ясмин именно он, ощущая себя иногда надоедливым просителем. Впрочем, она ни разу не дала ему понять, что недовольна его звонком. Напротив, в ее голосе всегда звучали приветливые, а иногда, как ему казалось, даже радостные нотки. Но и в этом он не был уверен, и поначалу всячески старался сдерживать себя, чтобы не доставать ее слишком часто. Однажды даже выдержал целых три дня, ожидал, может, она сама ему позвонит – не дождался и смертельно обиделся. Решил, что совершенно ее не интересует, и пора исчезнуть с ее горизонта. Однако, проходя по длинному коридору старого университетского корпуса из одной аудитории в другую, нечаянно столкнулся с ней буквально нос к носу и застыл на месте, словно его обухом по голове огрели. А Ясмин, как ни в чем не бывало, взяла его за руку, спросила, почему он не звонит, и улыбнулась. Все его обиды тотчас растаяли, он ощутил себя круглым дураком, которого высшие силы незаслуженно наградили роскошным подарком, а он по глупости от него отказывается.

Тем же вечером он позвонил, разговор их затянулся далеко за полночь, и они всё никак не могли расстаться. Воистину он был счастлив и потом долго не мог уснуть, думая о Ясмин, и в конце концов убедил себя, что она по-видимому почитает за моветон звонить ему слишком часто – как-никак персидская принцесса, – и принял это к сведению на будущее.

Когда ближе к Новому году началась зачетная неделя, их встречи практически прекратились. Не то чтобы Ясмин его избегала или специально «накрылась медным тазом» – вовсе нет! – она просто была занята учебой, к которой относилась на редкость серьезно, считая, как однажды пояснила Владу, что в настоящее время это ее работа, которую она должна хорошо исполнять. Впрочем, Владу тоже пришлось поднапрячься, чтобы сдать пару особенно противных зачетов, в том числе по предмету Репейника. Из-за любовных переживаний он здорово запустил учебу, так что теперь, наверстывая упущенное, приходилось ночи напролет читать самую разнообразную литературу и зубрить, зубрить, дабы не ударить лицом в грязь и потом не бегать за преподавателем, упрасывая его принять зачет, чтобы быть допущенным к экзаменам. Университет они с Ясмин покидали в разное время и почти не виделись. А когда он звонил, она разговаривала с ним таким милым светским тоном, что ему не оставалось ничего другого, как пожелать ей «ни пуха ни пера» перед очередным зачетом и, услышав вежливое «к черту!» – отключиться. Этот ее вежливый тон доводил его до белого каления, и он готов был буквально взорваться и разразиться тирадой типа: «Да кто ты такая? Чего выдираешься? Хватит строить из себя великосветскую даму!» Однако он с полной очевидностью сознавал, что это будет их последний разговор. И когда, немного остыв, припоминал всю беседу, то оказывалось, что ничего обидного для него не было, просто в данный момент Ясмин была очень занята и не расположена к разговору.

Однако для него было сущей пыткой долго не встречаться с Ясмин. Сдавая зачеты, рефераты и защищая свою курсовую работу, он торчал в университете иногда до позднего вечера и, лишь получив заветную подпись преподавателя в зачетную книжку, покидал, наконец, придирчивую альма матер, выходил на улицу, вдыхал полной грудью морозный воздух и мысли его тотчас возвращались к ней. Всеми силами души он подгонял время, страстно ожидая начала сессии. Тогда можно будет вздохнуть свободней, потому что на подготовку к экзаменам отводится два-три дня, один из которых уж точно можно посвятить встрече с нею. Конечно, если она того захочет, добавлял кто-то внутри него довольно ехидно. Но он старался не прислушиваться к этому противному двойнику, удобно устроившемуся у него в голове.

И действительно, сессия принесла не только долгожданную свободу – но и так истово ожидаемые им встречи с Ясмин. Это было настоящее счастье.

Погода вдруг снова закапризничала, позабыла о белоснежной русской зиме и перешла в стадию перманентной европейской слякоти, одобренной различными видами инфлюэнцы. Однако настроение Владу эта ежегодная природная напасть не портила, он редко болел гриппом и поэтому просто ничего не замечал – ведь свидания с Ясмин опять возобновились. Конечно, долго в промозглую и сырую погоду не погуляешь, но можно ведь устроиться в кафе или сходить в кино; впрочем, Ясмин кино не жаловала, резонно полагая, что показываемые нынче в кинотеатрах фильмы годятся лишь для тинейджеров и дебилов. И он радостно с ней соглашался. Хотя прежде был не прочь посмотреть какой-нибудь фантастический фильм, боевик, или что-нибудь мистическое со страшилками в образах вампиров, оборотней и т. п. Но девушка считала подобное кино «массухой», на которую жаль тратить время, к тому же, ее раздражало перманентное чавканье при пожирании зрителями попкорна – это напоминало ей свиноферму. Она предпочитала интеллектуальное кино. Перечисляя Владу свои любимые фильмы: «Орфей» и «Вечное возвращение» Жана Кокто, «Господин оформитель» Тепцова, «Женщина в красных сапогах» Хуана Бюнуэля, «Восемь с половиной» и «Амаркорд» Федерико Феллини, «Туманные звезды Большой Медведицы» Лукино Висконти и еще какие-то названия, – которых он слету не запоминал, она смотрела ему в лицо и в глазах ее скакали озор-

ные чертики. Она догадывалась, что большинство из них Влад не смотрел, хотя всегда усердно кивал, когда она их называла. Откровенно врать он избегал, но и признаваться в собственной необразованности, особенно перед Ямин, тоже не хотелось. Поэтому, вернувшись домой, он тотчас нырял в интернет, находил упомянутые ею картины и смотрел до глубокой ночи, поражаясь тому, как коротко и точно она характеризовала некоторые из них – такая умница.

Окончание сессии и следующие за ней каникулы Влад предощущал как некое райское блаженство – ведь тогда они с Ямин будут встречаться каждый день. Предположение, что у нее могут быть на этот счет иные планы, почему-то даже не приходило ему в голову. И когда, наконец, сессия благополучно осталась позади – Ямин сдала все предметы на отлично, тогда как у него, в основном, были твердые четверки, – они отправились отметить это радостное событие в кафе «Лакомка», где имелся огромный выбор кондитерских изделий; она обожала сладкое.

Время в кафе пролетело незаметно. Ямин дурачилась и пробовала все новые пирожные, доедать которые затем приходилось Владу. Он принимал из ее рук надкусанный эклер, безе или наполеон, испытывая при этом почти религиозное чувство, словно она передавала ему для вкушения не обычное кулинарное изделие, а драгоценные святыне дары. В «Лакомке» они засиделись до позднего вечера, а потом он долго провожал ее домой, – никак невозможно было расстаться. Гуляли по заснеженному бульвару, присаживались на скамейки, с которых он тщательно счищал снег, и целовались до одурения, до головокружения, до полной потери ориентации в пространстве и времени.

Наконец он довел ее до самого подъезда, они попрощались, и он побежал к метро – время поджимало. На последний поезд он, к счастью, успел, однако на автобус опоздал, и топал по вымершим ночным улицам несколько километров до своего дома, не замечая ни холода, ни усталости, настолько был переполнен эмоциями.

К сожалению, его радужным надеждам на каникулярное время сбыться было не суждено. На следующий день неожиданно позвонила Ямин и сообщила, что улетает к родителям в Испанию. Огорошенный этим известием, Влад что-то пролепетал насчет того, что надеялся провести каникулы вместе, но она не поддержала эту тему, объяснив, что давно не видела родителей. Конечно, ей тоже очень жаль, она не собиралась лететь туда зимой – но так уже вышло. Возможно, в скором времени отец получит новое назначение, и тогда неизвестно, когда ей удастся с ними снова повидаться.

На несколько дней Влад впал в глубокую депрессию и, чтобы отвлечься, не нашел ничего лучшего, как с головой погрузиться в роман Германа Гессе «Степной волк», что скоро привело его к мрачным размышлениям о бренности бытия и вреде иллюзий. Однако едва от Ямин пришла первая СМС-ка – тотчас воспрянул духом, забросил роман и переключился на изучение Испании. Она писала, что в Барселоне 18 градусов тепла, и она надеется не только на общение с родными и культурную программу, которую они для нее приготовили, но и предполагает немного позагорать. В следующих сообщениях она похвасталась, что уже побывала в Саграда Фамилия, а теперь просто бродит по городу и все фотографирует. Особенно ее восхищали спроектированные Гауди дома, которые представлялись ей чем-то наподобие живых существ. И тогда он, окончательно позабыв про свою депрессию, немедленно полез в интернет осваивать архитектурное наследие Гауди, о котором, конечно, слышал и прежде, но особо не интересовался.

Путешествуя по стране, Ямин посетила музей Сальвадора Дали, горный монастырь с Черной мадонной и очень жалела, что не удалось побывать на корриде, потому что сезон уже закончился. И, следуя ее маршруту, Влад тоже виртуально побывал и в городке Фигерас, где похоронен Дали, и в бенедиктинском монастыре Монсеррат, куда верующие со всего мира прибывают поклониться скульптуре Девы Марии, выточенной из черного тополя. Он настолько полно погрузился в испанскую реальность, что уже вслух разговаривал с воображаемой Ямин,

обсуждая с ней плюсы и минусы испанской кухни, стихотворений Гарсиа Лорки и танца фламенко. Срочно начав изучать испанский язык, он автоматически поблагодарил позвонившего ему Борьку по-испански, когда тот пригласил его на шашлыки. Возникла небольшая пауза, после которой старый приятель резонно поинтересовался, все ли у него в порядке с головой? И Влад понял, что пора уже выбираться из виртуального пространства в мир суровой реальности, которая порой бывает очень даже приятной. Ибо шашлычки с дымком у Борьки на даче, зимой, в немного расчищенном от снега дворе, в хорошей компании да под рябиновку домашнего приготовления – вполне могут конкурировать с испанскими красотами.

Возвратилась Ясмин уже после начала занятий, опоздав на пару дней. Она была настолько переполнена впечатлениями, что сама позвонила Владу, и они проговорили больше часа. Работы Сальвадора Дали произвели на нее сильнейшее воздействие, как и вообще все испанское. Она с энтузиазмом рассказывала, что при посещении монастыря Монсеррат, она впервые в жизни ощутила божественное присутствие. Во время мессы на нее снизошел поток благодатной энергии, она на физическом уровне чувствовала, как эта энергия втекает в нее через темя и разливается горячим потоком по всему телу. И это было совершенно особое переживание, которое невозможно передать словами в полной мере.

– Я-то думал, что ты у нас мусульманка, или даже зороастрийка, – подкалывал он, несколько ревнуя к ее горячности. Прежде с ним она никогда не позволяла себе подобного выплеска эмоций. – А ты, оказывается, католичка.

– Знаешь, – сказала она после длительной паузы, – я, пожалуй, все же экуменистка. Мне представляется, что Господь, или Высший Разум – это как тебе угодно – разбросал зерна истины по всем мировым религиям, мистическим обществам и так далее. Каждому досталось по кусочку пазла, который, быть может, человечеству когда-нибудь удастся собрать вместе. И тогда мы познаем истину.

– Однако мудрёно, – прокомментировал он, решив, что идея всё же довольно занятная. – Только вряд ли когда-нибудь удастся соединить вместе все религии и верования.

– В этом-то вся загвоздка... – вздохнула она. – И Бог с ней, с истиной в последней инстанции! Я тебе лучше стихи Гарсиа Лорки читаю. Обожаю его. Купила там томик его стихотворений. Послушай, как чудесно они звучат на испанском...

AMPARO

Amparo,
¡qué sola estás en tu casa
vestida de blanco!

(Ecuador entre el jasmin
y el nardo.)

Oyes los maravillosos
surtidores de tu patio,
y el débil trino amarillo
del canario.

Por la tarde ves temblar
los cipreses con los pájaros,
mientras bordas lentamente
letras sobre el canamazo.

Amparo,
¡qué sola estas en tu casa
vestida de blanco!

Amparo,
¡y qué difícil decirte:
yo te amo!» —

читала она чуть нараспев, и он напряженно вслушивался в чужой язык, проникаясь ритмом стихов и ощущая на интуитивном уровне, как в его душе пробуждаются страсть, любовь, ненависть, предчувствие смерти.

– Ну как? – спросила она после паузы.

– Впечатляет.

– Сейчас я тебе переведу.

– Не надо. Мне кажется, я и так знаю, о чем это стихотворение.

– Но ты ведь не учил испанский!

– Пока тебя не было, немного учил. Но это неважно. Потому что поэзия, как музыка, – передает чувства непосредственно.

– Это стихотворение о прекрасной Ампаро. И о любви, конечно.

– Yo te amo – я тебя люблю – это я уже выучил.

– Явно делаешь успехи.

Он без слов почувствовал, что там, на расстоянии, у себя в комнате, она сейчас улыбается.

Разумеется, едва она отключилась, он тотчас принялся искать в интернете это стихотворение на русском языке.

Ампаро

Федерико Лорка (перевод Валерий Столбов)

Ампаро!
В белом платье сидишь ты одна
у решетки окна
(между жасмином и туберозой
рук твоих белизна).
Ты слушаешь дивное пенье
фонтанов у старой беседки
и ломкие, желтые трели
кенара в клетке.
Вечерами ты видишь – в саду
дрожат кипарисы и птицы.
Пока у тебя из-под рук
вышивка тихо струится.
Ампаро!
В белом платье сидишь ты одна
у решетки окна.
О, как трудно сказать:
я люблю тебя,
Ампаро.

И опять потянулась привычная учебная рутина, включая нудные лекции Репейника, практические занятия и прочие студенческие «радости». Однако Влад был счастлив, ведь теперь он встречался с Ясмин ежедневно, на лекциях они сидели рядом, и он был переполнен ощущением ее присутствия. Единственное, что действовало на нервы, так это бесконечно тянувшаяся зима, которая, словно на качелях, раскачивалась между морозной русской и слякотной европейской, будто никак не могла определиться с национальной принадлежностью. Холода сменялись оттепелями, и это было еще хуже, потому что тогда под ногами чавкало подтаявшее грязно-ледяное месиво, от которого город не могли избавить ни убиравшие снег машины, ни многочисленные дворники, работавшие в авральном режиме. Влад приезжал в университет затемно и покидал либо в сумерках, либо наступавшей уже в шестом часу ночью. На его душевном настрое почти полное отсутствие светового дня отражалось мало, хотя порой он все же чувствовал себя подавленным, в то время как Ясмин поникла, словно нежная орхидея. Она часто простывала, хандрила и после лекций сразу спешила домой.

И вдруг в конце февраля все сказочным образом переменялось. Природа вспомнила о грядущей весне и, наконец, сменила гнев на милость. Низкие серые тучи, беременные снегом, разошлись, их сменили белые многоярусные облака. Солнце засияло ярче, его лучи уже ощутимо грели лицо и руки, – Влад сразу это почувствовал, потому что из принципа ходил всю зиму без перчаток, закалялся. Небо сделалось выше, словно поднявшись над горизонтом, и приобрело оттенок ярко-голубой финифти. И настроение резко поднялось, словно солнце переключило внутри его организма какой-то скрытый рубильник с минуса на плюс. Что-то подобное, вероятно, происходило и с Ясмин. Она поправилась, перестала хандрить и часто позволяла ему провожать себя до самого подъезда.

А потом на мартовский город обрушилась ранняя весна, вестники которой – грачи – своими беспокойными гортанными криками возвестили ее официальный приход. И уже не имело значения, что плюсовые дневные температуры ночью сменялись минусовыми, что периодически город засыпало снегом, – весна вела свое тотальное наступление и не собиралась сдавать позиций. Световой день удлинялся на глазах, повышая тонус жителей мегаполиса и обещая им счастливое будущее – ведь за весной обязательно грядет лето.

Ясмин явно повеселела. Влад обожал ее шаловливое настроение: тогда лицо девушки становилось похожим на хитрую лисью мордочку, а в глазах прыгали чертики. На бульваре они гонялись друг за другом, как малые дети, и когда он ловил ее и сжимал в объятьях, она почти не вырывалась и позволяла себя целовать, конечно, если поблизости не было народа.

В ту пятницу после занятий они медленно шли рядом, держась за руки, отчего приходилось лавировать среди толпы людей, заполнившей тротуары: день был теплый и солнечный, вдоль поребриков неслись черные ручьи, смывающие с городских улиц зимнюю грязь, в лужах плескались чумазы голуби, одновременно не забывая громко ворковать и ухаживать за подругами. Ясмин пребывала в задумчивости. Влад все пытался развеселить ее какой-нибудь шуткой и заставить хотя бы улыбнуться, но она только ласково поглядывала на него и вновь погружалась в свои мысли. Наконец, словно придя к определенному заключению, повернулась к нему и спросила: «Какие у тебя планы на завтра?»

– Никаких, – ответил он, не раздумывая.

– Хочешь, поедem ко мне на дачу?

Еще бы он не хотел!.. В воображении тотчас пронеслась вереница образов, от стандартного шашлыка во дворе до самого дерзкого и невозможного, о чем лишь можно мечтать, – даже голова закружилась.

Следившая за выражением его лица Ясмин, кажется, разгадала ход его мыслей и едва заметно усмехнулась: «Ну, значит, договорились...»

Весь следующий день Влад провел как в тумане. И когда после занятий они с Ясмин ехали сначала в метро, а потом пересели на электричку, он ощущал себя не в своей тарелке, словно все происходило с ним и одновременно с кем-то другим. И позднее, когда они шли по подтаявшей слякотной просеке между столетними елями от остановочной платформы к дачным домикам, ему все еще не верилось, что он наедине с Ясмин, далеко-далеко ото всех, может быть, даже на другой планете. Она что-то говорила ему, он отвечал и, наверное, не попадал, потому что она порой иронично поглядывала на него.

Наконец подошли к невысокому деревянному забору. Она открыла калитку, и они ступили на участок. Деревянный двухэтажный дом с застекленной верандой и башенкой, крытый местами побитой временем и невзгодами черепицей, выглядел пожившим и не слишком ухоженным. Было заметно, что он действительно старый, выстроен, скорее всего, в начале прошлого века. «Да-да, – ответила Ясмин на его немой вопрос, – дача прадедушкина».

– Ничего, вполне еще крепенькая, – сказал Влад, по-хозяйски оглядывая строение. – И участок тоже такой... нормальный, – ничего больше он придумать не мог и замолчал.

– Участок более-менее возделанный, – пояснила Ясмин. – Под окнами растут кусты сирени, а чуть дальше, на клумбе, летом целые заросли жасмина. Бабушка любит цветы и умеет с ними договариваться, в отличие от меня. У нее все приживается и цветет: и нарциссы, и гиацинты, и пионы, и лилии; про астры, фиалки, незабудки, гладиолусы и хризантемы, – я просто умолчу, это само собой разумеется. Про таких садоводов, как она, говорят, что у нее «зеленый палец». А вон там, между березок летом подвешивается гамак. Обожаю дремать в гамаке, особенно в жару, когда с речки тянет прохладным ветерком. На веранде у нас проживает деревянный столетний стол, вокруг которого собрались скрипучие венские стулья. К ним у меня слабость – помню их с детства. Отдохнешь в гамаке, потом поднимешься по ступеням на веранду, а там, на столе – миска с земляникой и кувшин с холодными сливками...

– Хватит Ясмин, у меня уже слюнки текут от всей этой летней благодати. Я захватил бутерброды. У вас хотя бы чай можно подогреть?

– У нас все можно, – коротко ответила она, отпирая входную дверь. И снова чему-то усмехнулась.

И только войдя внутрь, он понял, чему она усмехалась. Неказистый внешний вид старого дома совершенно не соответствовал его внутреннему убранству. Вернее, соответствовал полностью, ибо и мебель, и украшавшие комнаты керосиновые лампы, мелкие безделушки и кружевные салфетки были из того, прошедшего времени, бережно сохраненные потомками прежних хозяев этой загородной дачи. И хотя обстановка была настоящим антиквариатом, каким-то образом она превосходно вписывалось в современность и явно постоянно использовалось.

– Идем, запустим отопление, – позвала Ясмин.

Они спустились по лестнице в добротный просторный подвал, и она ловко включила газовый котел, который тотчас негромко заурчал, как довольный кот. Снова поднялись на первый этаж и в кладовке, расположенной возле кухни (современная газовая плита, СВЧ-печь, вместительный холодильник и прочие современные прибабахи ничуть не портили впечатления) набрали березовых поленьев для камина.

Поначалу березовые поленья никак не желали разгораться, и едкий дым шел в комнату, но затем камин прогрелся, ровно загудело пламя, словно негромко напевая что-то низким голосом. Ясмин устроилась на невысоком табурете возле камина и заморожено смотрела на огонь. Влад не мог глаз отвести от ее задумчивого лица с тонкими точеными чертами, на котором отражались отблески пламени. Сидя чуть поодаль в глубоком вольтеровском кресле, он чувствовал себя абсолютно счастливым. Они вдвоем, вокруг столетний лес, и этот старый дом, шагнувший в наши дни из далекого прошлого и существующий как бы в двух временных измерениях одновременно: в прошлом и настоящем. Окружающая реальность вдруг приобрела

черты полного совершенства и законченности. Гармония царила и в комнате, где они находились, и за стенами дома. И центром этой гармонии и абсолютного совершенства была Ясмин.

То всеобъемлющее чувство, которое он испытывал по отношению к ней, пожалуй, даже не помещалось в слово любовь, настолько оно было огромным и несоизмеримым с его прежними ощущениями и переживаниями. Его юношеские влюбленности отличались от него, как небо от земли. Порой и раньше ему казалось, что он полюбил по-настоящему, казалось до тех пор, пока не появилась Ясмин.

А потом она повернула голову. Ее темные, удлинённые к вискам глаза газели из волшебной восточной сказки, не отрываясь, смотрели на него. Глаза эти завораживали, подчиняли, заполняли собой весь мир. Он не помнил, как они поднялись на второй этаж в спальню, как оказались в постели. Он ощущал себя невесомым и, словно через магический кристалл видел себя и Ясмин со стороны. Реальность исчезла. Они с Ясмин парили среди звезд. Ощущение безвременья и полета – это все, что он помнил. И еще – неопишное, неземное блаженство.

Когда он очнулся, она лежала рядом, и голова ее покоилась в ямке на его плече. Кажется, она задремала. Он слышал ее ровное дыхание и боялся двинуться, чтобы не нарушить ее покой. И еще ему представлялось, что стоит только шевельнуться, и то невыразимо прекрасное, что между ними произошло, тотчас утратит ауру волшебства, которой сопровождаются его отношения с Ясмин, и сделается приземлённой и обыденной.

Наконец она открыла глаза, потянулась и произнесла сказочную фразу, которой он несколько не удивился, потому что все происходящее и было сказкой: «Как же долго я спала...»

И они вернулись на грешную землю.

Ясмин быстро натянула свитер, он последовал ее примеру. Несмотря на включенное отопление, дом еще не слишком прогрелся.

– Есть хочешь? – спросила она, угрем влезая в обтягивающие джинсы.

– Не то слово – умираю, как жрать хочется! У меня же бутерброды в сумке...

– До твоих бутербродов дело дойдет, – пообещала она. – Идем на кухню.

В кухне они опустошили холодильник, наделав кучу сэндвичей с ветчиной, сыром, красной рыбой – все, что нашлось. Открыли бутылку красного вина. От виски он отказался.

– Это дедовы запасы, – пояснила она с набитым ртом. – Он здесь любит бывать зимой, иногда живет подолгу. Говорит, в тишине да на природе лучше думается.

– Дед у тебя крутой.

– Ты даже не представляешь, насколько! – чуть заметно усмехнулась она. – Понимаешь, он долгое время проработал за границей.

– Ну и что? Сейчас многие работают за границей, – пожал он плечами.

– Как тебе объяснить... Он работал еще во времена Советского Союза. И не под своим именем.

– А-а... понятно. Нелегал. То-то взгляду него такой, такой... пронизывающий. Когда на меня смотрел, будто рентгеном просвечивал.

– Он, действительно, людей видит насквозь, – очень серьезно сказала Ясмин.

– А он знает, что мы с тобой на даче?

– Он знает, что я с подругами поехала на дачу.

– А если он вдруг приедет?

– Не приедет. Хотя, возможно, и догадывается, что я здесь вовсе не с подругами.

– Однако, – слегка поежился Влад. – Я, конечно, не боюсь, но не очень-то приятно, когда...

– Исключено, – жестко сказала Ясмин, – у нас в семье следить не принято. Лучше налей мне еще вина!

А потом они снова сидели возле камина, смотрели на пламя, читали вслух любимые стихи, целовались и любили друг друга. И Влад снова легко шагнул из привычного земного

измерения в другое, незнакомое; и в этой новой вселенной существовали только двое: он и Ясмин.

Трясаясь воскресным вечером в полупустой электричке, они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и молчали. Обоих переполняли чувства, выразить словами которые не было никакой возможности, – можно было только расплескать и ополщить. Но расстаться даже с самой малой толикой собственных фантастических ощущений, ни он, ни она не желали.

Влад проводил ее до самого подъезда, зашел в вестибюль с мозаичным мраморным полом, проследил, как она поднимается по лестнице, и вернулся на улицу. Домой добирался на автомате: все его мысли и чувства занимала Ясмин. Он любил ее до самозабвения, до сумасшествия, до потери собственного я. Прикажи она ему: «Прыгни с крыши!» – и он бы прыгнул, не задумываясь. Она полностью завладела его душой и телом; он понимал, что находится в ее власти, но ему нравилось быть ее абсолютным рабом.

Дома сразу прошел в свою комнату, погасил свет и лег, накрывшись с головой пледом. Хотелось дольше сохранить те ощущения, которыми он был сейчас переполнен. Мысленно возвращаясь в субботний вечер, он буквально по минутам восстанавливал в памяти малейшие нюансы произошедшего между ним и Ясмин. Все случившееся было одновременно невероятным и великолепным. Хотя... она ни разу не призналась ему в любви. Но ведь и он не произнес заветных слов. А нужны ли вообще слова, если и так все совершенно ясно?!

Любовь делает человека практически неменяемым. И пусть предмет любви является иллюзией, сотворенной в мозгу «больного» биохимическими процессами, происходящими в организме, для самого человека, подхватившего «любовный вирус», это суть абсолютная реальность. Как и недостижимое совершенство предмета его любви. Она – чудо, необыкновенная, единственная. Для пораженного стрелой Купидона это истина, не требующая доказательства.

Как и все, одержимые любовной страстью, Влад обитал в своем иллюзорном мире; его состояние напоминало маниакально-депрессивный психоз в маниакальной стадии, когда человек пребывает в полной эйфории, переполнен энергией и безотчетной радостью. Он ежедневно провожал Ясмин до дома. И пусть окончание занятий у них часто не совпадало, он упорно дожидался ее в университете, и когда она, наконец, появлялась, в кровь его вбрасывалось такое количество адреналина, что ему казалось, будто он парит над землей, а не ступает ногами по университетскому коридору, устремляясь ей навстречу. В группе над ним беззлобно подсмеивались: влюбленные всегда выглядят чуточку комично, – однако он пропускал шпильки сокурсников мимо ушей. Пусть завидуют!

Позднее, ни Влад, ни Ясмин никогда не заговаривали о происшедшем на даче. У обоих возникло четкое представление, что случилось то, что должно было случиться, и чего невозможно было избежать. *Fatum*. Судьба. Они были молоды, любили, нерастратенная сексуальная энергия была через край. Взрывоопасная смесь, сопротивляться которой совершенно бессмысленно, особенно весной. Да и зачем?!

Однако с тех пор они периодически навещали старый дом, прячущийся среди столетних елей. Не слишком часто, потому что там торчал дед. Но и не так уж редко. Ясмин старалась использовать любую возможность, чтобы оказаться подальше от родственников наедине с Владом, и это ей удавалось. И они любили друг друга неистовее и нежнее с каждой новой встречей.

Как-то незаметно наступил май, который выдался на редкость теплым, почти летним. В саду, окружавшем дачный дом Ясмин, зацвели яблони. Их гибкие ветви, густо усыпанные белорозовыми нежными цветами, заглядывали в открытые окна, стремились пробраться внутрь и захватить веранду. В воздухе стоял тончайший цветочный аромат, который привлекал великое множество насекомых, спешивших насытиться сладким нектаром. Молодые люди расположились в плетеных креслах возле старинного круглого стола на веранде, счастливые и пьяные от любви, весны и буйства природы. Неподалеку куковала кукушка, сильный и свежий запах

растущей не по дням, а по часам, травы смешивался со смолистым духом разогретых солнцем еловых ветвей, выбросивших светло-зеленые юные побеги. Небо было синим и ясным, и открывающееся перед ними будущее казалось таким же безоблачным и прекрасным, как это чистое небо.

– Хочешь послушать музыку? – вдруг спросила Ясмин.

– Можно, – лениво отозвался Влад.

– Это классика, – предупредила она. – Сейчас я переживаю период Рахманинова, если так можно сказать.

– В каком смысле? – заинтересовался он.

– Период увлечения его музыкой. У меня всегда так происходит, и с живописью, и с поэзией, и с кинофильмами. Вдруг какое-то музыкальное произведение, или книга, или картина художника, настолько меня захватывает, настолько соответствует моему восприятию мира, настроению, душевному состоянию, мыслям, что я полностью погружаюсь в произведения этого мастера. Постоянно слушаю его сочинения, или перечитываю снова и снова его книги.

– И сейчас у тебя период увлечения Рахманиновым?

– Да. Хочу, чтобы ты послушал одну его небольшую вещь.

Она встала с кресла и прошла в комнату. Через пару минут раздались первые аккорды, и через открытые двери и окна на веранду полилась музыка.

– «Элегия» си-бемоль, – сказала она, остановившись в дверном проеме. – Он сочинил ее, когда ему было девятнадцать.

Влад смотрел на нее – прекрасное женское изображение в раме двери, как картина великого художника. Казалось, не только слух, но все тело Ясмин, внимало звукам музыки, с трепетом отзываясь на каждую ноту. И хотя перед ним сейчас стояла современная девушка в открытой майке и коротких шортах, в своем воображении он видел прелестную и беззащитную барышню 19 века, томную, загадочную, в невесомом полупрозрачном газовом платье.

Отзвучал последний аккорд – словно последнее «прости» чему-то несостоявшемуся, – и застывшая картина в дверной раме ожила.

– Какая удивительная музыка... Я слушаю ее только в исполнении самого Рахманинова. Это важно. В ней, и печаль, и тоска по чему-то несбывшемуся – быть может, по утраченной любви, – и светлая грусть... И еще, это расставание с чем-то очень дорогим, невозможность иметь то, чего так страстно желаешь. Это болезненно прекрасно... – в глазах ее заблестели слезы. – Послушаем еще раз?

Он кивнул, растроганно глядя на нее. Она вернулась в комнату – и снова зазвучала музыка. Почему-то у Влада внезапно возникло ощущение, что Ясмин без слов говорит ему о неизбежном прощании. О том, что они расстанутся навсегда, и эта музыка будет напоминать ему об ее чувствах, передаст ее невыразимую печаль, ее воспоминания о несостоявшейся любви. Но он тотчас сердито отбросил прочь это мимолетное впечатление. Они никогда не расстанутся. Никогда! Потому что это невероятно, невысказано. А значит и не случится.

Последний аккорд «Элегии» отзвучал, оставив в его душе тревожное послевкусие. Ясмин вернулась на веранду и села в кресло. Влад бросился перед ней на колени, взял ее тонкие изящные кисти в свои ладони, заглянул снизу вверх в чудесные карие глаза, опущенные черными загнутыми ресницами – и все его страхи растаяли. Он подхватил ее на руки и понес наверх, в спальню. Она обхватила его шею, хохотала и болтала голыми ногами. Длинные пушистые волосы щекотали ему лицо и плечи. Впереди их ожидал прекрасный майский день, наполненный радостью и счастьем. Счастьем, которое будет длиться вечно, потому что невысказано, чтобы их любовь закончилась.

Отныне грядущее лето виделось Владу в восхитительно радужных красках. В июне начнется экзаменационная сессия, и они смогут видеться чаще. Если, конечно, ее дед совсем не переедет на дачу. Увы, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает, так что розо-

вым мечтам, лелеемым Владом, не суждено было сбыться, ибо дед окончательно переместился за город. Но они с Ясмин часто созванивались, она приезжала в университет на консультации и экзамены, и Влад дожидался ее возле аудитории, или на улице, благо уже наступило настоящее лето.

Каждая новая встреча с ней становилась для него своеобразным откровением, ибо реальная девушка никогда не совпадала с созданным воображением образом. Ясмин из плоти и крови всегда была интереснее, красивее и загадочней, нежели ее бесплотный облик, царивший в его фантазиях. Вот она появляется из дверей университета – прелестная пери в длинном модном сарафане с глубоким вырезом. Замирает на широком крыльце, осматривается, видит Влада, машет изящной рукой и легко сбегает по ступеням ему навстречу. Ветер подхватывает ее слегка выющиеся черные волосы, играет с ними, бросает пряди ей в лицо. Она смеется и снова закидывает их за спину. Надевает солнечные очки, поправляет на плече светлую сумку, берет Влада за руку, и они почти бегом устремляются к станции метро, – время несется так быстро!

Обычно они направлялись в парк, где бродили по тенистым дорожкам под кронами старых деревьев, сидели на скамейке возле пруда и наблюдали, как отдыхающие кормят хлебом обывательниц-уток и аристократов-лебедей, или забирались подальше от глаз людских в зеленую чащу и целовались до одури. Если бы внутреннее желание Влада по перемещению деда Ясмин с дачи куда подальше вдруг осуществилось – тот, наверное, очутился на луне или вообще за пределами солнечной системы.

Любое, даже самое кратковременное, свидание было для него тем остановившимся мгновением блаженства, о котором мечтал когда-то познавший всё доктор Фауст. И вдруг он стал замечать, что порой, находясь с ним рядом, Ясмин словно отстраняется от него и уплывает в далекую даль; спустя какое-то время возвращается и становится прежней. Оставляя позади очередной экзамен, она вместо законной студенческой радости испытывала странную грусть, причины которой Влад совершенно не понимал, – ведь с его точки зрения всё было просто великолепно! Они любили друг друга. Экзамены шли своим чередом, причем Ясмин сдавала их практически на одни пятерки, а он... ну, и у него тоже порядок. Внешне тоже ничего не изменилось. Почти. Она улыбалась его шуткам, под настроение они читали вслух понравившиеся стихи, потом сочиняли на ходу рифмованные строки и перебрасываясь ими, как какие-нибудь средневековые японцы, строго следующие любовному ритуалу. И все же что-то в ней переменялось, погасло – будто в душе Ясмин поселилась неизбывная печаль, о которой она не хотела говорить, но которую он ощущал чутким сердцем.

Сессия подходила к концу. Влад готовился к последнему экзамену – и полная свобода на целый месяц. Позднее, в августе, он планировал отправиться со стройотрядом в Сибирь. Предмет был несложный, он уже успел на раз просмотреть свой конспект и теперь, сидя на диване, без особого энтузиазма зубрил учебник, как вдруг позвонила Ясмин. Ее предки на пару дней отбывали к кому-то в гости, оставляя дачу в ее полном распоряжении. Так что, если у него есть время... Она еще спрашивает! Через десять минут он уже ехал в автобусе к станции метро.

Эти сорок восемь часов, проведенные вдвоем с Ясмин, были наполнены таким невероятным и безоблачным счастьем, какое человек, к тому же далеко не каждый, испытывает раз в жизни – если сильно повезет. Они были вместе. Они неистово любили друг друга, а потом расслабленно лежали рядом, наслаждаясь полнотой ощущений, подаренных им этим бесконечно-прекрасным миром. Они купались на озере, играли в догонялки на мелководе, где в прозрачной воде грелись стайки рыбок. А когда Ясмин легла на плиссированную волнами песчаную отмель, ее тело тотчас окружили мальки, которые легонько касались ее кожи, и она хохотала, потому что было щекотно и весело.

Возвратились на дачу часам к пяти, усталые и голодные, изобразили себе невероятных размеров бутерброды и пожирали их с волчьим аппетитом, запивая газировкой. Вдали от про-

хладной воды было нестерпимо жарко, и Ясмин устроилась в гамаке под сенью деревьев, а Влад расстелил покрывало на траве у ее ног и блаженно растянулся на нем. Их охватила непреодолимая дремота, сквозь которую доносилось пение птиц и жужжание бесчисленных насекомых. Покой. Полная гармония существования. Благодать.

После жаркого дня ночь выдалась душной. Когда, наконец, стемнело, на небо медленно, словно улитка, вползла огромная грузная луна, тревожного кроваво-красного цвета. В воздухе явно ощущался запах дыма, – не исключено, что от жары уже где-то горел лес, и дым от лесного пожара придавал луне такой вампирский оттенок. В эту ночь они оба словно сошли с ума, так неистовы и продолжительны были их ласки. Обычно Ясмин вела себя более сдержанно, и Влад решил, что таким образом на нее действует эта необычайно большая луна, ведь женщины сильнее подвержены лунному влиянию, чем мужчины. Наконец, совершенно обессиленные, они уgomонились. Девушка задремала, но Влад всё никак не мог уснуть, осторожно покинул постель и спустился на веранду.

Он сел в плетеное кресло. Уже достигшая зенита луна теперь превратилась в серебристо-голубой магический шар, изливающий на сад волнуящий рассеянный свет. Посвежело, с озера тянул прохладный ветерок, а по дорожкам ползли мутно-белые извилистые ленты тумана, постепенно поднимаясь вверх и накрывая легкой пеленой всё пространство. Волны лунного света преломлялись в туманной дымке причудливым образом, отчего казалось, будто сад ожил и дышит. Это был заколдованный сад, и он ощущал себя в нем околдованным принцем. В воздухе стоял сильный аромат жасмина. Его разросшиеся кусты были усыпаны белыми звездочками цветов, которые словно слегка фосфоресцировали в белёсой мгле. Переполюнявшие Влада чувства вобрали в себя и этот зачарованный сад, и его отчаянную любовь, и неопределенное будущее, и чудесные белоснежные цветы жасмина. Всё это было настолько невыразимо и прекрасно, что неожиданно для себя он заплакал.

Успокоившись, мысленно пошутил над своей излишней чувствительностью и вернулся в комнату. Осторожно, чтобы не потревожить, прилег рядом с Ясмин и закрыл глаза. В полусне ощутил тончайший аромат цветов жасмина, который лился через распахнутое окно и наполнял собой всю комнату. Придвинулся к спящей девушке, вдохнул запах ее гладкой шелковистой кожи, чуть отсвечивающей в лунном свете, и, поймав чудесную жасминовую нотку ее духов, со счастливой улыбкой погрузился в сон.

Утро принесло немного долгожданной прохлады, хотя неотвратимо стремившееся к зениту солнце снова обещало изнуряющую тридцатипятиградусную жару. Влад и Ясмин, чьи молодые тела буквально фонтанировали избытком витальной энергии, долго не покидали постель, наслаждаясь каждой проведенной вместе минутой, словно отпущенное им время могло внезапно и навсегда закончиться. Не то чтобы Влад думал об этом или его мучило какое-то неопределенное предчувствие, однако каждое мгновение, проведенное рядом с Ясмин, делало его существование значимым и придавало жизни ту полноту, о какой он прежде даже не подозревал.

Завтракали на веранде. Конечно, яичницей, бутербродами и чаем. Тратить драгоценное время на приготовление пищи казалось ненужной и бессмысленной роскошью. Потом отправились на пляж, купались, загорали на горячем песке, с воплями, словно малые дети, носились по мелководью. Наконец, вдоволь накупавшись, вернулись в дом и расположились в тени на веранде. Влад с утра пребывал в состоянии эйфории, словно окруженный невидимым облаком счастья, – ведь рядом была Ясмин. Его Ясмин.

Однако настроение девушки было не столь радостным. Она молча принесла из холодильника апельсиновый сок и разлила по высоким стаканам, которые тотчас запотели и приятно охладили ладони. Легкий короткий сарафанчик с ярким орнаментом делал ее похожей на экзотический цветок. Она села в плетеное кресло и закурила длинную темную сигарету. Влад с

удивлением подумал, что впервые видит, как Ясмин курит. Заметив его изумление, она нервно затаилась, выпустила струйку пахнущего ментолом дыма.

– Да, иногда я курю, – сказала она. – Когда сильно волнуюсь.

– Волнуешься? Но почему? Остался всего один экзамен, к тому же, несложный. Скоро поедем домой, успеешь еще заглянуть в конспект. Все нормально.

– Экзамен тут не причём.

– А что причём?

Влад вдруг ощутил сосущее беспокойство и постарался заглянуть ей в глаза, но она избегала его взгляда.

– Понимаешь, это семейные обстоятельства, – медленно, с трудом выговорила она. – Моего отца неожиданно назначили послом. Мы, конечно, ожидали этого, но несколько позднее.

– Здорово! Поздравляю.

– Спасибо. Разумеется, это долгожданное служебное повышение. Руководством МИДа оказано доверие, ну, и прочие дела. Но ты меня перебил, не дал договорить.

– Извини, я весь внимание.

– Назначили послом, – словно через силу продолжала она, – в Южную Америку, в Аргентину.

– Далековато. Но это же так интересно – Борхес, Кортасар, аргентинское танго... Как-нибудь слетаешь туда.

Она с грустью смотрела на него, в глазах блеснули слезы.

– Все так, да не совсем, – мягко сказала она. Повисла долгая пауза. – Понимаешь... как бы тебе объяснить?.. На семейном совете было решено, что теперь я буду жить с родителями.

– Как с родителями?! То есть...

– Ну, да. После экзаменов заберу документы из университета и отправлюсь в Буэнос-Айрес.

– Нет, нет... Как же так? Значит, ты уедешь насовсем?! Но это невозможно, немыслимо – я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. Но так сложились обстоятельства. И это не обсуждается.

Она яростно смяла сигарету в пепельнице. Лицо сделалось жестким и незнакомым. Возле губ пролегли глубокие складки. Ласковые глаза пугливой газели приобрели выражение стальной уверенности в собственной правоте. Сейчас он просто не узнавал в этой девушке свою прелестную перу.

– А я, – в отчаянии спросил он. – Как же я?!

– Влад, успокойся, я же не умираю, – смягчилась она. – Будем общаться по скайпу, переписываться. Иногда я буду приезжать в Москву. Или ты вдруг ко мне в Буэнос-Айрес соберешься!

– Может, и соберусь... – он чувствовал себя убитым, раздавленным, лишенным души и сердца.

Она встала с кресла, прошла в комнату и включила музыку. «Элегия» си-бемоль, понял он.

Они безмолвно сидели на веранде, за них говорила музыка. Так вот что она имела в виду, давая мне тогда слушать «Элегию», думал он. Надеялась, что я пойму. А я ни черта не понял. Даже не задумался над тем, что слово «элегия» обозначает печальную, даже скорбную музыкальную пьесу. Вот именно, скорбную! Она же мне намекала. В их среде не принято говорить напрямую. Как же – дочь дипломата. Принцесса.

– Но мы с тобой еще увидимся до отъезда?

– Конечно. – Она подошла к его креслу, опустилась на колени, твердо посмотрела ему в глаза. – Обязательно увидимся, любимый. Не сомневайся.

Домой он вернулся совершенно потерянный. Обида, отчаяние, злость, нежность – самые противоречивые чувства одновременно боролись в его душе. Но над всем царила Любовь. И Надежда. Ведь они еще непременно встретятся.

Но остаться наедине с Ясмин ему больше не довелось. Он дожидался ее возле университета, она сдавала последний экзамен и когда, наконец, появилась в дверях, он ринулся ей навстречу. Увидев Влада, она помахала ему рукой, но тут из припаркованной поблизости машины появился ее дед, и она направилась к нему. У дверцы мерседеса чуть помедлила, глядя на Влада, а потом нырнула внутрь. Дверца захлопнулась – автомобиль тронулся с места.

Вечером он получил от нее СМС. «Лунный свет/ И моя тоска/ Переполнили небо и землю,/ Обратились/ В осеннюю ночь».

«Пришлось разлучиться нам,/ Но образ твой нигде, никогда/ Я позабыть не смогу./ Ты оставила мне луну/ Стражем воспоминаний», – ответил он, слегка перефразировав японскую танка из «Капли росы».

Ответа не последовало. Оказывается, той же ночью она улетела в Аргентину.

Через день они поговорили по скайпу. И еще примерно полгода разговаривали и перебрасывались СМС-ми. Но интервалы между встречами постепенно удлинялись. Она поступила в университет Буэнос-Айреса и, судя по всему, с головой окунулась в студенческую круговерть. Иногда рассказывала о приемах в посольстве и светской жизни столицы Аргентины, неотъемлемой частью которой теперь стала и она. И Влад буквально физически ощущал, как неумолимая судьба все дальше относит их друг от друга.

Потом она замолчала совсем. От Сергея, родители которого поддерживали отношения с родственниками Ясмин, он узнал, что у нее в Аргентине появился достойный жених, внук бывшего президента, и недавно состоялась помолвка. Влад нисколько не удивился, все должно идти своим чередом. В тот вечер, придя домой с занятий, он отыскал в интернете «Элегию» си-бемоль Сергея Рахманинова («Обязательно в исполнении самого Рахманинова!» – словно услышал он далекий голос Ясмин), и включил колонки на полную мощность.

Прошли годы. Влад многого добился и теперь заведует кафедрой в своем бывшем университете. Семейная жизнь у него тоже сложилась удачно, хотя без особых страстей и любви. К жене, она тоже преподаватель, он искренне привязан, но никогда не читал ей стихов. У них двое детей и небольшая дача в дальнем Подмоскowie. Жизнь его размеренно катится по наезженной колее. Но иногда ночью ему снится залитый лунным светом сад и благоухающий куст жасмина, усеянный полупрозрачными белоснежными цветами, – тогда он внезапно просыпается со сладкой болью в груди и влажными от слез глазами. К сожалению, это происходит все реже и реже.

Цветок жасмина

Посвящается Наталии Шульдешиовой, Острову с белым мелким песочком – и, конечно, Орфею

На переломе тысячелетий зима выдалась по-настоящему сибирской. Всеобщий перестроенный разброд, длившийся уже несколько лет, привел к резкому падению производства и опустошению городской казны настолько, что даже не хватало денег сделать зимние запасы топлива для ТЭЦ – и уголь из Кузбасса везли и использовали буквально с колес. Температура в системах отопления поддерживалась минимальная – только чтобы батареи не перемерзли, хотя зачастую случалось и это. Вследствие этих всероссийских катаклизмов в квартире было настолько холодно, что я обитала, в основном, в маленькой комнатке, служившей спальней, где занавесила одеялом окно, постелила на пол ковер и весь день держала включенным обогреватель. Но, несмотря на все эти ухищрения, температура в комнатке держалась на уровне +12 градусов; в кухне было не более +5 – так что трехлитровые банки с водой, стоявшие на кухонном подоконнике, которые я держала на случай отключения воды, что случалось нередко, не просто покрылись льдом, а промерзли насквозь и полопались.

Поздним вечером 7 января я сидела на диване в маленькой комнатке и читала, укрывшись пледом. В ногах дремала Зоська. Неожиданно в прихожей на журнальном столике зазвонил телефон. Высовываться из сравнительно теплого помещения на холод, царивший в прихожей и коридоре, не хотелось, однако телефон все трезвонил, и я покинула свое уютное гнездышко под шерстяным пледом и взяла-таки трубку. Голос был незнакомый и молодой. Парень представился Гаркаукасасом, заявил, что прочитал мою повесть «Призрачный возлюбленный» в «Сибирских огнях» и вот решил позвонить. Один из героев той моей повести действительно именовался Гаркаукасасом, причем, он мистическим образом периодически вторгался в жизнь героини повествования, проявляясь в реальности через какие-либо действия, но, не материализуясь в обычном человеческом облике. По сюжету получилось довольно завлекательно.

Пока неизвестный парень сначала от имени Гаркаукасаса, а потом и от себя лично признавался мне в любви, я слушала его вполуха и отделялась ироничными замечаниями, принимая одновременно тщетные попытки ухватить кошку. Зоська, едва я покинула комнату, естественно, ринулась за мной, и когда я стала говорить по телефону, вскарабкалась по спине мне на плечи, а потом взгромоздилась на голову и вцепилась в волосы. Вести серьезные разговоры о любви в таком экстремальном состоянии я, конечно, не могла и, буквально умирая от смеха, одной рукой держала трубку возле уха и слушала горячие признания (что не было мне неприятно), а другой пыталась ухватить за шиворот вконец обнаглевшее животное и оторвать от волос. Наконец, мне это удалось, и я отшвырнула маленькую дрянь в сторону. Разумеется, все это доставило Зоське массу удовольствия и, задрав хвост, она удрала в другую комнату, явно ощущая себя победительницей.

Это была не первая моя публикация, и из предыдущего опыта я уже знала, что мои произведения иногда оказывали на некоторых представителей противоположного пола своеобразное воздействие. Человек искренне влюблялся в созданную моим воображением героиню, которой в реальной жизни я отнюдь не являюсь, и переносил свою влюбленность лично на меня. Поэтому после каждой публикации повести или романа мне вдруг начинали названивать взволнованные мужчины, жаждущие со мной познакомиться; иногда дело доходило и до неожиданных посещений, не всегда приятных, ибо люди эти были, как правило, весьма неуравновешенные.

Вот и с этим молодым человеком я разговаривала достаточно взвешенно, вежливо давая понять, что звонить не стоило. Старалась его не обидеть, но при этом развлекалась от души. Парень явно уловил мое настроение, однако продолжал оставаться смертельно серьезным. Под конец разговора еще раз сообщил, что это не розыгрыш, что он действительно меня любит и что в том же журнале, в котором напечатана моя повесть есть и его стихи. Сам он так и не решился представиться.

Я положила трубку – и тотчас выбросила этот разговор из головы. Вернулась в комнату, закрыла дверь, забралась под одеяло и взялась за книгу. Скоро в дверь стала царапаться Зоська, которая не чувствовала за собой никакой вины, ведь я была ее и только ее хозяйкой, большой кошкой, кошачьей мамкой, – следовательно, принадлежала только ей. Я пустила кошку в комнату, она забралась мне на колени, свернулась клубком и громко замурлыкала. Такая нахалка!

Обитали мы с Зоськой на пару в небольшой квартире на первом этаже. Иногда я мысленно проклинала себя за свое необдуманное решение взять сиамского котенка, необузданный нрав которого порой меня просто пугал. Я ходила на работу исцарапанная, а, возвратившись домой, тотчас натягивала толстый купальный халат, потому что подросшая кошка изобрела своеобразную игру, которую я окрестила «кошкодром». Она подстерегала меня и выжидала, когда я потеряю бдительность. Улучив момент, Зоська, словно молния, выскакивала из своего укрытия, взбегала по моей спине вверх до шеи, разворачивалась, неслась по спине вниз, – и пряталась где-нибудь под диваном или шкафом. Даже толстый халат не спасал от острых когтей. Я издавала вопль ярости и боли, потом ругала Зоську, – а довольная кошка выглядывала из своего укрытия и на ее мордочке была написана сардоническая усмешка.

Я уходила на работу к девяти и возвращалась часов в десять-одиннадцать вечера. Кормила Зоську и буквально падала в постель. Кошка, вернее, сиамский котенок, имела прескверный характер и поначалу была почти дикой. Быть может, потому что родилась на воле в Комаровке, дачном местечке в нескольких десятках километров от города.

Не могу сказать, что она свалилась мне, как снег на голову. Прошел уже год с тех пор, как умерла моя пушистая любимица Бася. Я долго переживала, потом успокоилась. Прошло время, и мне снова захотелось иметь кошку – дом без кошки представлялся мне пустым. Я сходила на рынок, но в этот раз котят там почему-то не оказалось. На улице мне тоже не попадались бродячие котята. Я информировала всех моих друзей и знакомых, что хочу снова завести кошку. Через какое-то время моя близкая приятельница сообщила, что у соседей по даче в Комаровке сиамская кошка принесла двух котят. На одного уже имеется претендент, но если я хочу – могу взять второго, когда немного подрастет. Я хотела.

Прекрасным субботним вечером в начале августа она, наконец, позвонила и сказала, что котенок уже у нее дома и завтра я могу его забрать; кажется, это девочка, но она в этом не совсем уверена. Договорились, что к полудню я к ней подъеду. Я занялась какими-то хозяйственными делами, как вдруг снова раздался звонок, и Лена попросила меня срочно приехать и забрать котенка. Я безмерно удивилась.

– Слушай, давай все-таки завтра подъеду, – сказала я. – Уже девять часов вечера, совсем темно.

– Нет-нет, давай сегодня, сейчас, – настаивала она. – Это существо – что-то с чем-то. Нападает на мою Дашку, загнало ее под диван, шипит и рычит.

Я представила себе огромную персидскую кошку Дашку и удивилась еще больше. Ведь, насколько я знала, котенок был примерно месячным. Кроха.

– Эта кроха уже меня исцарапала, – сказала Лена. – Приезжай срочно!

– Черт возьми, – пробурчала я. – Ладно, сейчас соберусь.

У двери Лены я оказалась в одиннадцатом часу. Она тотчас отворила.

– Забирай скорей свое «сокровище» – она тут уже свои порядки наводит.

– И где же мое «сокровище»?

– Вон выглядывает из-за двери.

Из-за дверного косяка, действительно, высунулась уморительная мордочка с ярко-голубыми глазами и большими ушами и снизу, не мигая, уставилась на нас. Я засомневалась, каким образом эта очаровашка могла надеть столько шума, шагнула к ней и протянула руку, чтобы погладить. Малышка тотчас распушилась, изогнула дугой спину и громко зашипела. Я отдернула руку и расхохоталась. Малышка была с характером.

– Когда я ее привезла, она тут же стала наводить свои порядки. – Рассказывала Лена. – Дашка подошла к ней познакомиться, она вот так же выгнулась, подняла шерсть дыбом – и бросилась на нее. Дашенька у меня воспитанная, ушла сразу, а эта за ней. Не успокоилась, пока под диван не загнала. Потом обнаружила Дашкины мисочки, поела – и снова к дивану, рычит и шипит на Дашку. Та нервничает.

– Понятно. Тогда я рассиживаться не буду – на метро надо успеть. Плохо, что у меня дома никакой еды для котенка нет.

– Пожертвую тебе полминтая, – сказала Лена и направилась к холодильнику.

Я достала шерстяной платок, взятый специально для этой цели, изловчилась и накинула на котенка. Тот возмущенно заверещал. Я быстро засунула его в свою сумку. Лена протянула мне пакет с рыбой, и я поспешила домой. Всю дорогу, сначала в автобусе, потом в метро, котенок молчал. Наверно пригрелся и спит, решила я. Так что до дома мы добрались благополучно.

Включив свет в прихожей, я открыла сумочку, вынула малышку и поставила на линолеум. Она с любопытством огляделась и, не проявляя ни смущения, ни страха, принялась изучать обстановку. А я переделась в толстый купальный халат, дома уже было прохладно, и пошла в кухню, чтобы сварить ей (или ему?) рыбу.

Пока резала на разделочной доске минтая, малышка уже крутилась в кухне у меня под ногами, вероятно, учуяв рыбу. «Подожди, сейчас сварю и дам тебе», – говорила я котенку. Но не тут-то было! Ждать он не пожелал. В мгновение ока вскарабкался по моим голым ногам, по халату мне на плечо, шлепнулся на стол, вцепился когтями в сырую рыбу и с урчанием принялся за ужин. Я вырвала у него кусок сырой рыбы, опустила малыша на пол – подожди. Как бы не так! Через пару секунд он снова сидел у меня на плече, еще через пару секунд уже с урчанием пожирал рыбу. «Да... – вслух произнесла я, – похоже, жизнь у тебя была не сахар. С тобой не соскучишься...» И как в воду глядела.

Через несколько дней котенок совершенно адаптировался и уже позволял брать себя на руки и гладить. Но характер, но темперамент!.. Это был какой-то крошечный вечный двигатель, носившийся по квартире, словно ртутный шарик, поймать который почти невозможно. Все же я смогла определить, что это девочка, и за элегантную внешность нарекла ее Лукрецией, подразумевая Лукрецию Борджиа. Однако своей дикостью и даже порой свирепостью новоиспеченная Лукреция серьезно меня озадачила – это был настоящий дикий котенок. Как известно, толкователи имён считают, что имя оказывает на судьбу и характер человека сильное влияние. Быть может, на животных тоже? – подумала я, припомнив репутацию одиозной дочери папы римского. И срочно переименовала котенка из Лукреции Борджиа в Зосю. Это имя к ней прилипло.

Чтобы попасть на остров, нужно спуститься вниз с высокого крутого обрыва к самому берегу Оби, который каждый год уходит под воду в половодье и появляется только к июню в виде песчаной полосы, тянущейся вдоль реки. Поросший густым тальником остров находится в нескольких десятках метров от берега и отделен от него водной преградой, которую необходимо преодолеть. Глубина этой преграды зависит от половодья и сброса воды из Обского водохранилища. Глядя на остров с берега, трудно представить, что туда можно перебраться по скрытой водой дорожке, однако для посвященных такая возможность имеется. Вопрос в том, насколько высок уровень воды в данный момент. Если в пределах полуметра, или даже метра

– путешествие на остров вполне реально, но если достигает полутораметровой отметки над уровнем земли – увы, поход на остров отменяется.

В том году половодье было не слишком сильным, вода начала спадать уже к концу мая, а в середине августа мы с Наташей решили съездить на природу и попробовать попасть на остров. Это был наш остров, обнаруженный во время походов вдоль берега Оби, чудесное местечко для пляжного отдыха. Особенно замечательным было то, что попасть туда могли только знающие люди, и потому отдыхающих было немного. Вдоль противоположного берега острова (его необходимо было пересечь, пробираясь по тропке среди зарослей тальника и жаждущих крови гигантских комаров) тянулись прекрасные пляжи с белым мелким песочком, напоминавшие небольшие «квартиры», окруженные ивняком. Расположившись в подобной «квартире», мы наслаждались тишиной, плескались в быстрой обской воде, предавались лени и любованию природой. Иногда читали, подставив спины летнему солнышку. Но особенно мне нравилось растянуться на белоснежном, прогретом солнцем песке под раскидистым тополем и глядеть на небо. Тогда порой возникало странное чувство, будто остров находится не на практически плоской, а сильно выпуклой, шарообразной поверхности – и я буквально всем телом ощущала изгиб этой огромной сферы, несущейся в бесконечных пространствах. Казалось, что меня обдувает солнечный ветер, который в любой момент может сдуть с поверхности планеты – и я глубже вжималась спиной в песок, чтобы, не дай бог, не унесло в неизведанные дали. В этом удивительном переживании присутствовало нечто космическое и необъяснимое.

Теплым августовским вечером мы созвонились с Наташей и договорились (если повезет с погодой) завтра попробовать перебраться на наш остров.

Она зашла за мной в начале одиннадцатого утра. Погода обещала быть жаркой, на небе не просматривалось ни облачка, и мы пребывали в абсолютной уверенности, что поход будет удачным. На троллейбусе доехали до площади Калинина и, подходя к автобусной остановке, увидели наш 47-ой, готовый тронуться с места. К счастью, успели добежать, двери закрылись и – вот она, вольная воля и впереди несколько часов, обещающих приятное времяпрепровождение.

Примерно через полчаса прибыли на конечную остановку в селе Мочище, которое считается пригородом Новосибирска, хотя добраться до него можно куда быстрее, чем до некоторых районов, входящих в городскую черту. Солнце уже стояло в зените, когда мы ступили на территорию бывшего «Мочищенского пансионата», весьма престижного в советские времена, с хорошими каменными корпусами, кинозалом и двухэтажной столовой. В середине девяностых пансионат был окончательно заброшен и стал постепенно превращаться в остовы былого процветания, а к началу двухтысячных уже наводил глухую тоску пустыми оконными и дверными проемами, отодранной, где только возможно, облицовочной плиткой и проваленными крышами. К тому же, оставленная без человеческого присмотра природа, вырвалась из окружавшего пансионат леса и агрессивно наступала на покинутые людьми здания, обвивая стены зарослями шиповника и малины и укрывая их наготу пышно разросшимися выше человеческого роста травами: крапивой, кипреем, разнообразными видами чертополоха и всевозможного радостно цветущего разнотравья.

– Какая грустная картина, – сказала Наташа, в то время как мы шли через территорию пансионата по главной прогулочной дороге, когда-то тщательно заасфальтированной, а теперь в рытвинах и глубоких, напоминавших раны, трещинах.

– Да уж, – мрачно подтвердила я. – Помнишь, вон там, где разрослись кусты шиповника, был фонтан и какие-то статуи?

– Женщина с веслом? – усмехнулась она.

– Да ну тебя! – возмутилась я. – Такое было чудесное местечко.

– А теперь перед нами «графские развалины»...

– Всё шутишь? С тобой невозможно говорить серьезно.

– Вот только и осталось, что «говорить серьезно»! – не унималась она. – Погода отличная, вон уже реку видно. Сейчас переоденемся в кустах, спустимся к воде – и на наш чудесный остров. А жизнь... Что поделаешь? Такая у нас теперь «селява».

Конечно, Наташа была абсолютно права. Переживать из-за того, что происходило в стране, было уже просто невозможно. Нужно было жить, как живется, и по возможности радоваться каким-либо мелочам. Я нисколько не возражала против подобной установки – иначе впадешь в окончательную депрессию, сложишь лапки и пойдешь ко дну. А «складывать лапки» я вовсе не собиралась. Более того, меня по-настоящему волновал только один, и отнюдь не политический, вопрос, связанный с моей личной жизнью. И не просто волновал, но прямо-таки доставлял страдание, мучил, ибо по большому счету никак не вписывался в мое привычное восприятие мира, самой себя и отношений между мужчиной и женщиной. Этот вопрос, вернее, дилемма, беспокоила и даже травмировала мое нравственное чувство, отчего страдало мое изначальное представление о себе любимой с точки зрения моей собственной морали.

Мораль же моя трещала по всем швам из-за одного молодого человека, с которым у меня неожиданно возникли отношения, – того самого «рождественского подарка». Случайный роман, как мне поначалу представлялось, но который все длился и длился, и я просто не знала, как со всем этим быть. Если хотите я пребывала в растерянности, в растрепанных чувствах и т. д. и т. п. Наташа, как человек скептический и, в определенном смысле, «взгляд со стороны», всегда действовала на меня отрезвляюще, помогала заземлиться и почувствовать твердую почву под ногами. Короче, мне необходимо было с ней посоветоваться.

Молоденькой назвать меня сложно, мне уже исполнилось сорок пять, а ему, моему нынешнему избраннику – едва минуло двадцать пять. Комментарии, как говорится, излишни. Причиной и спусковым крючком этой новой запутанной любовной истории стало окончательное расставание с постоянным возлюбленным, отношения с которым длились более десяти лет. Причем, расстались мы вовсе не потому, что изменилось его отношение ко мне, или он меня бросил, отнюдь нет, – это я сбежала от него, возможно потому, что все сделалось слишком обыденно и привычно. Длительный любовный роман, превратившийся в привычку, из которого практически исчезла страсть – что может быть тоскливее?

Кроме того, стабильная связь, растянувшаяся на годы, уже больше напоминает семейную жизнь, нежели отношения любовников. Наверное, поэтому со временем пламя страсти с моей стороны не то чтобы совсем исчезло, но основательно пригасло. К тому же, мой любовник никогда не был способен на истинную страсть, ну, так уж он был устроен. Хотя поначалу это меня нисколько не напрягало. Я же любила его, как любят только в двадцать лет, всячески добивалась взаимности – и в конце концов завоевала. Но со временем, когда наши отношения переросли в некий суррогат семейных, мне сделалось скучно. Причем, настолько, что однажды я устроила ему роскошную сцену, к которой он вовсе не был готов, довела его до истерики, получила громадное удовольствие, и... осталась совершенно одна. Жалела я о том, что мы расстались? Нет. Мой приятель был человеком серьезным, женатым, с положением в обществе. Его жена, тоже очень серьезная дама, подходила ему идеально. Все при нем и осталось. Ну, разве что он тихо меня возненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.